

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1977

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

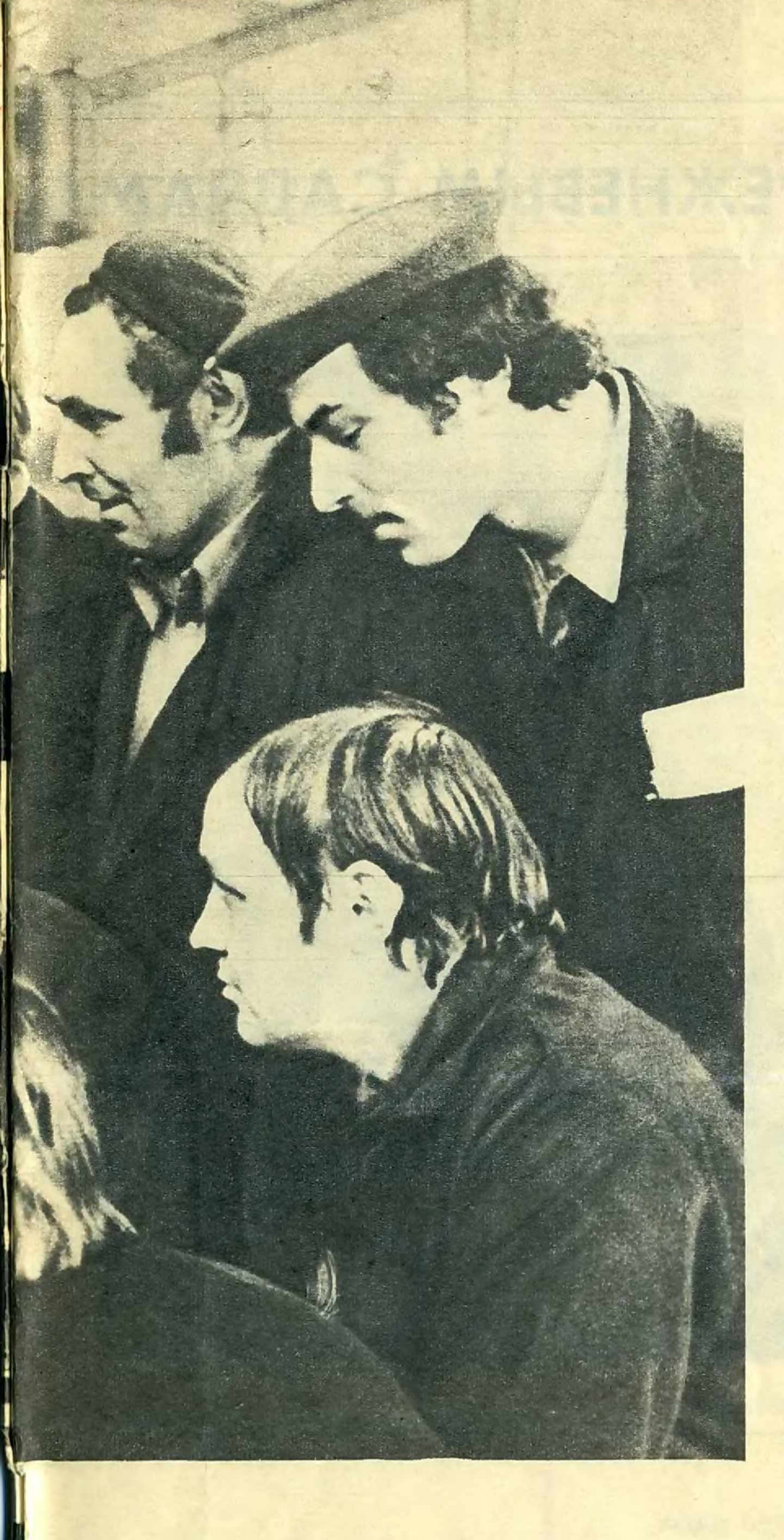
Основан 1 апреля 1923 года

№ 7 (2588)

12 ФЕВРАЛЯ 1977

«ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ОКТЯБРЯ ЯВЛЯЕТСЯ ВАЖНОЙ ВЕХОЙ В ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО НАРОДА, В РАЗВИТИИ ВСЕГО МИРОВОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. НАША СТРАНА, ВСЕ ПРОГРЕССИВНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВСТРЕЧАЮТ ЭТУ ЗНАМЕНАТЕЛЬНУЮ ДАТУ ПОД ЗНАКОМ НОВЫХ ПОБЕД СОЦИАЛИЗМА, УЧЕНИЯ МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА, ЛЕНИНА, ИДЕЙ ПРОЛЕТАРСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА, ЯРКО ДЕМОНСТРИРУЮЩИХ СВОЮ ВЕЛИКУЮ РЕВОЛЮЦИОННО-ПРЕОБРАЗУЮЩУЮ СИЛУ».

Из Постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

СТРОКА В БИОГРАФИЮ СТРАНЫ

Дорогие друзья! Советские люди близко к сердцу приняли обращенные к ним слова Постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»— ознаменовать юбилей нашей могучей социалистической державы новыми достижениями в развитии экономики, науки и культуры. Весь советский народ готовится достойно отметить славный юбилей. Этому будут посвящены основные материалы «Огонька». Чтобы ярче и полнее осветить на страницах журнала дорогую для каждого советского человека дату, приглашаем всех читателей принять участие в конкурсе «СТРОКА В БИОГРАФИЮ СТРАНЫ».

Наш конкурс обращен ко всем поколениям каждой советской семьи.

■

Напишите нам, участники Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, участники борьбы за утверждение Советской власти в первые годы жизни молодого социалистического государства. Расскажите о людях, принимавших участие в этих событиях.

Комсомольцы 20-х годов, чоновцы, первые рабселькоры, ждем от вас рассказов о вашей боевой юности, о первых комсомольских ячейках.

Обращаемся к вам, строители пятилеток, зачинатели социалистического соревнования и стахановского движения, организаторы первых колхозов и совхозов, чей героический труд вложен в историю нашей страны. Перелистайте ваши личные архивы, дневники, вспомните те горячие дни, когда закладывались индустриальная мощь нашей страны и фундамент социалистического сельского хозяйства.

Великая Отечественная война навечно вошла в память народа. И сегодня нам дорога каждая крупица воспоминаний фронтовиков и тружеников тыла. Присылайте нам письма, фотографии военных лет, расскажите о друзьях-однополчанах, отстоявших завоевания Великого Октября, о своих товарищах, ковавших победу в цехах и на полях.

Наше слово к вам, молодое поколение Страны Советов, присылайте нам материалы о замечательных советских людях, героях наших дней, вписавших не одну яркую строку в биографию нашей великой Родины.

■

Самые интересные работы будут опубликованы в «Огоньке». Срок конкурса — до 1 октября с. г.

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА БУДУТ ОТМЕЧЕНЫ ПРЕМИЯМИ:

ДВЕ ПЕРВЫЕ ПРЕМИИ — подписка на журнал «Огонек» с приложением;

ДВЕ ВТОРЫЕ ПРЕМИИ — подписка на журнал «Огонек»;

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ ПРЕМИИ — памятные дипломы.

Размер материала не должен превышать 5—6 страниц, фотографии должны быть не меньше 13×18 см.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

■

Ждем ваших материалов, дорогие читатели! На конверте просьба указать: на конкурс «Строка в биографию страны».

Московский станкостроительный завод имени Орджоникидзе. Цех сборки автоматических линий. Секретарь партбюро, Герой Социалистического Труда, слесарь-сборщик В. Г. Комаров знакомит рабочих с Постановлением ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». После обсуждения рабочие цеха приняли повышенные социалистические обязательства.

Фото М. Савина

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ САДДАМА

ТЕБЕ, ОКТЯБРЬ!

Мы с радостным чувством встретили Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Глубокий смысл имеет для всех нас то, что, обратившись к народу с призывом достойно встретить славный юбилей, ЦК КПСС прежде всего упомянул нас, рабочих.

Чем можем мы ответить на это доверие нашей партии? Мы привыкли встречать светлые праздники ударной работой. Не отступили от традиций и теперь, в год 60-летия Великого Октября. Наш участок, цех, весь завод дали слово встретить славный юбилей успехами в труде. Большинство станочников участка обязались выполнить годовое задание к 7 ноября 1977 года. Я в их числе.

Завод успешно справился с планом 1976 года. Знаменательным событием было для нас то, что основная продукция предприятия аттестована Знаком качества. И в наших обязательствах теперь записано не только удержать уровень качества, но и еще повысить его. А я обязалась, кроме того, помогать молодым рабочим в овладении мастерством, повышении производительности труда, экономии инструментов, в подъеме культуры производства. Заводской девиз «Лично ответствен» имеет для меня и моих товарищей по труду сегодня особое значение. Так что постараемся оправдать доверие партии.

О. ЯСЬКОВА,
фрезеровщица механического цеха № 3 Минского моторного завода, делегат XXV съезда КПСС

ЗРИМЫЕ ЧЕРТЫ

Вижу что-то высоко символическое в том, что газету «Правда» с Постановлением ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» я прочел во время пребывания в Москве, будучи экскурсантом Выставки достижений народного хозяйства СССР. Конечно, это лишь совпадение, но какое знаменательное. На ВДНХ можно воочию представить тот огромный исторический путь, который проделала наша Родина — Союз Советских Социалистических Республик — за 60 лет. Мы все ощущаем справедливость мысли, подчеркнутой в постановлении ЦК КПСС: «Достижения родины Октября за шесть десятилетий являются убедительным свидетельством того, что социализм обеспечил невиданные в истории темпы прогресса всех сторон жизни общества».

ХУСЕЙНА

3 февраля Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле находившегося в СССР с официальным дружественным визитом заместителя генерального секретаря регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), заместителя председателя Совета революционного командования Иракской Республики Саддама Хусейна.

В ходе беседы, проходившей в атмосфере дружбы и взаимопонимания, Л. И. Брежнев и С. Хусейн с удовлетворением констатировали, что сотрудничество между обеими странами приняло всесторонний характер и неуклонно развивается по восходящей линии.

Были обсуждены также вопросы дальнейшего расширения связей между КПСС и ПАСВ Ирака и выражено намерение продолжать обмен опытом в области партийного и государственного строительства.

В духе солидарности проходило рассмотрение актуальных проблем современного международного положения и, прежде всего, обстановки на Ближнем Востоке.

Л. И. Брежнев и С. Хусейн заявили об обоюдной решимости всемерно крепить узы дружбы, существующие между Советским Союзом и Ираком, совершенствовать взаимовыгодное сотрудничество между ними в политической, экономической, культурной и других областях на основе равноправия, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Перед началом беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

Я знаю, как стали жить литовцы, хорошо знаю, как живут люди на Алтае и на Кавказе; повсюду зримые черты динамичного развития нашей экономики, осуществления гигантских комплексных программ преобразования обширных территорий страны. Среди них немаловажное место занимает и программа охраны почв, лесов, рек — всех природных богатств нашей Родины. А эта последовательная работа по совершенствованию отношений человека с окружающим его зеленым и голубым миром мне особенно по душе. Ибо социализм, как сказано в Постановлении ЦК КПСС,— это общество реального гуманизма. Все для блага человека, во имя человека — таков смысл нашего образа жизни. Оставить людям землю еще более прекрасной — ради этого стоит жить, работать, сажать деревья.

Витаутас АЛМАНИС,
лесничий

гор. Титувенай, Литовская ССР.

НА ОРБИТЕ — КОРАБЛЬ «СОЮЗ-24»

СООБЩЕНИЕ ТАСС

7 февраля 1977 года в 19 часов 12 минут московского времени в Советском Союзе осуществлен запуск космического корабля «Союз-24», пилотируемого экипажем в составе командира корабля Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР полковника Горбатко Виктора Васильевича и бортинженера подполковника-инженера Глазкова Юрия Николаевича.

Целью запуска корабля «Союз-24» является продолжение научно-технических исследований и экспериментов с орбитальной научной станцией «Салют-5», начатых 7 июля 1976 года при совместном полете транспортного корабля «Союз-21» и станции «Салют-5».

Бортовые системы корабля «Союз-24» работают нормально, самочувствие экипажа хорошее.

Космонавты товарищи Горбатко и Глазков приступили к выполнению программы полета.

БЫТЬ ИСПЫТАТЕЛЕМ!

интервью перед стартом

Вадим ЛЕВСКИЙ

Это наш тридцатый пилотируемый космический полет. Командир экипажа Виктор Горбатко в 1969 году в должности инженера-исследователя стал двадцать первым представителем своей страны в космосе. Его нынешний партнер по полету Юрий Глазков получил сейчас титул «Космонавт-39».

Двенадцать лет в отряде Юрий Глазков — треть жизни. А если учесть, что этому огромному периоду предшествовали еще и годы инженерной работы по космической технике, то можно смело говорить о полной личной его сопричастности всей эпохе космических полетов.

В Звездном он человек известный, что называется, на виду, при всех своих отнюдь не скульптурных кондициях. Маленьких ростом любят больше — так уж водится. Но здесь любовь особого свойства и смысла. Глазков «голова», «энциклопедия», «личность» — таковы сопутствующие ему эпитеты друзей-товарищей. Говорят даже, что сам Королев однажды сказал: мол, Глазкову надо бы

поставить «шесть» за знания, да не положено, высшая отметка «пять».

Выписка из «психологической характеристики» космонавта Глазкова Ю. Н.: «Конкретная направленность интеллекта и чувство реалистичности сочетаются с развитой способностью к воображению, высоким творческим потенциалом и умением рационально использовать его в оригинальных подходах к решению профессиональных задач».

В последние дни перед стартом мы не раз встречались с Юрием Глазковым. В основном урывками, насколько позволяло его спрессованное время. И вот теперь я все это записал. По возможности подробно, наверное, с пристрастием, но достоверно.

— Вот и твой час пробил, «Терек-два». Счастлив?

— Не знаю, еще не осознал. Но обидно было б, сложись все иначе.

— Думаешь, такое могло случиться?

— А почему бы и нет? Требуют с нас все больше и больше, причем это справедливые требования самой техники. А потому соответственно нужна и иная отдача от человека. Причем мало просто трудиться, мало. Большой труд не обязательно переходит в нужное качество. Тут нужно что-то еще.

— Здоровье, увлеченность, способности, везение в конце концов?

— Это все так, да я не о том. Как бы это объяснить?.. В общем, настоящий профессионализм в любом деле — это сочетание знаний, навыков и интуиции. Умение мыслить и действовать не обязательно конкретными образами, заученными схемами, но так, что порой спустя минуту уже и воспроизвести не можешь, как ты пришел к верному решению.

— В таких случаях говорят: быть с машиной «на ты».

— Более того, чувствовать себя словно ее частью, ощущать машину как что-то живое и даже родное.

— Может быть, ты все-таки идеализируешь свою профессию? Ведь космический корабль или станция — это все-таки конкретное инженерное сооружение. И всегда перед полетом ставятся вполне конкретные задачи, разрабатывается четкая программа...

— В техдокументации космические полеты называются ЛКИ — летно-конструкторские испытания. Испытания! Еще не скоро откроются кассы по продаже билетов на космические рейсы, очень не скоро. И из каждого полета ребята привозят на Землю много вопросительных знаков. Потому что наши полеты — испытания! И человек в космическом корабле — прежде всего испытатель. Так вот, я думаю, что существует некое особое чувство — чувство испытателя.

— Здесь ты, наверное, имеешь в виду не только профессиональные навыки? Помню, однажды нашего замечательного летчика-испытателя Сергея Николаевича Анохина спросили, каким основным достоинством должен обладать летчик-испытатель. Он ответил: «Совестью».

— Мне очень понятны его слова. В самолете, в космическом корабле ты далек от людей, следящих за твоей работой. Конечно, они тебе помогают советами, они получают данные о работе многих систем и приборов по телеметрии. Но в машине находятся все-таки не они, а ты. Ты ею командуешь, ты, как никто другой, должен понимать ее. А вдруг забарахлила система, заврался прибор? И не почему-то, а по твоей собственной «инициативе». Причем часто можно и утаить свой грех, свалить все на технику или силы небесные. Вот этого-то и не должно быть у испытателя. И, кстати, именно такую честность я особенно ценю в Викторе Васильевиче Горбатко. Столько мы проработали вместе...

— Два с половиной года готовились вы к этому полету?

— Правильней сказать: два с половиной года назад мы стали экипажем для подготовки по этой программе. Знаю же я его намного дольше. Так вот, я бы сказал, что Виктор — человек открытой совести. И не только в работе, а вообще.

Удивительной прямоты человек. Конечно, не всем это нравится, не все с ним в друзьях ходят. Нередко он усложняет этим себе жизнь, но другим уж ему не быть.

Ошибся он на тренировке в тренажере, не выключил, скажем, прибор точной ориентации — тут же сообщит об этом на «Землю», тут же отрапортует: согрешил, мол, исправлюсь. Да и мои грехи готов на себя брать.

— Он сам попросил назначить тебя в его экипаж?

— Было такое.

— Помнишь, недавно Виктора Васильевича спросили, почему он выбрал Глазкова? А тот неожиданно ответил, что командиры иногда без большой охоты берут в подчиненные людей умнее и грамотнее себя. А я, говорит, наоборот, не боюсь того, что Глазков во многих вопросах разбирается лучше меня. Ведь это только на пользу делу.

— Вот в этом он весь. Я-то его знаю, наверное, лучше, чем кто другой. И в словах Виктора вижу уверенность в силах и знаниях. У него достаточно оснований иметь эту уверенность.

— И в тебе тоже?

— Ну уж такого командира подводить никак нельзя, я стараюсь.

— Горбатко пришел в отряд космонавтов из летчиков-истребителей. Ты — из военных инженеров. Помню, однажды Георгий Тимофеевич Береговой сказал, что летчик-истребитель — это человек, который всегда пребывает в состоянии «Товсь!». Но про Горбатко как будто этого не скажешь...

— Это состояние вовсе не обязательно должно иметь какую-то внешнюю выраженность. Виктор действительно очень спокойный, со стороны даже флегматичный человек. Но надо видеть его в деле.

Горбатко не просто летчик, а отличный летчик. Причем, став космонавтом, он великолепно овладел и такой тонкой в управлении машиной, как вертолет. Что же касается космического аппарата, то в ходе полета, как известно, приходится часто менять его положение в пространстве — ориентацию — в зависимости от той или иной задачи. И все нужно делать очень точно, притом с минимальными расходами топлива, запасы которого на борту всегда небезграничны. Вот здесь-то Виктор и демонстрирует истинную технику владения машиной, особое чутье.

А еще интересно за ним наблюдать в спортивных играх, в футболе, скажем. Здесь он, «технарь», оказывается импровизатором, человеком щедрым, так сказать, коллективным. Но сам забивать голы тоже умеет и любит.

— Здесь, в отряде, ты тоже стал летчиком, овладел несколькими типами самолетов. Понравилось?

— Очень.

— А насколько тебе оказались необходимы «самолетные» навыки в управлении космическим кораблем?

— Я бортинженер, и на мне несколько другие, чем у командира, задачи. Но дело даже не в этом. Как в самолете, так и в космическом аппарате человек один против огромного, бесконечного пространства. Оно поначалу и пугает, но оно и мобилизует, заставляет посмотреть на себя как бы со стороны. Ты чувствуешь себя гордым, сильным, быстрым в мышлении, решительным. И здесь Виктор дал мне многое.

— В семьдесят четвертом году ты защитил кандидатскую диссертацию. Виктор Васильевич говорит, что ты ни дня отпуска не взял для ее подготовки, все делал в остававшееся от работы время.

— Ему тоже было не легче. У него все «личное» время занимала общественная работа, которой он отдается с жаром и увлеченностью. А сейчас он уже вполне определился и в плане научной работы. Вернемся из полета, и снова займется исследованиями.

— Что дали тебе годы работы в Центре подготовки космонавтов?

— Прежде всего знание техники. Мы много работаем в контакте с промышленностью — КБ, предприятиями, разрабатывающими космическую технику. Чуть ли не все этапы создания кораблей и станций, а также их испытаний проходят с нашим участием. Очень интересным и полезным было непосредственное участие в наземных экспериментах в качестве испытателя. Так, три года назад я тридцать пять суток просидел в наземном макете орбитальной станции, совершая как бы космический полет. В результате у меня и моего напарника появилось несколько десятков предложений по усовершенствованию средств и методов работы на борту.

— И они были реализованы?

— Были. Как видишь, работа в ЦПК — это не только подготовка к какому-то конкретному полету.

— Ну, и, конечно, участие в управлении полетами пилотируемых космических объектов в Центре управления полетом, на наземных измерительных пунктах...

— А также на судах, в Атлантике.

— Ты и моряком стал?

— Если хочешь, пусть будет так. На двух плавучих станциях слежения мне довелось работать: на «Юрии Гагарине» и «Владимире Комарове». Раз были даже в самом центре знаменитого Бермудского треугольника.

— Так что теперь бояться вообще нечего?

— Нет, есть чего. Боюсь сейчас простудиться. Ну, а если серьезно, то за Виктора, за технику и за себя я спокоен. Все должно быть нормально.

— А что для тебя в этом полете самое интересное?

— Я специалист по системе управления. И потому у меня нет явной склонности или симпатии к каким-то отдельным научным экспериментам, хотя каждый из них по-своему интересен. Но меня лично особенно интересует, как будет вести себя орбитальная станция во время тех или иных экспериментов, какова будет точность ориентации, реакция системы управления на различные возмущения. Интересно убедиться в истинности своего «чувства машины» в реальных условиях космического полета. Право же, за все время наземной подготовки это было едва ли не самое радостное чувство, которое я испытал.

— А чувство, когда тебя утвердили в составе экипажа?

— Это, конечно, радость. Но ведь в своем сознании к этому приходишь задолго. Переживешь умом и сердцем. А сейчас мы летим работать. Долго и непросто трудились на Земле, а теперь — в космос. Мы готовы...

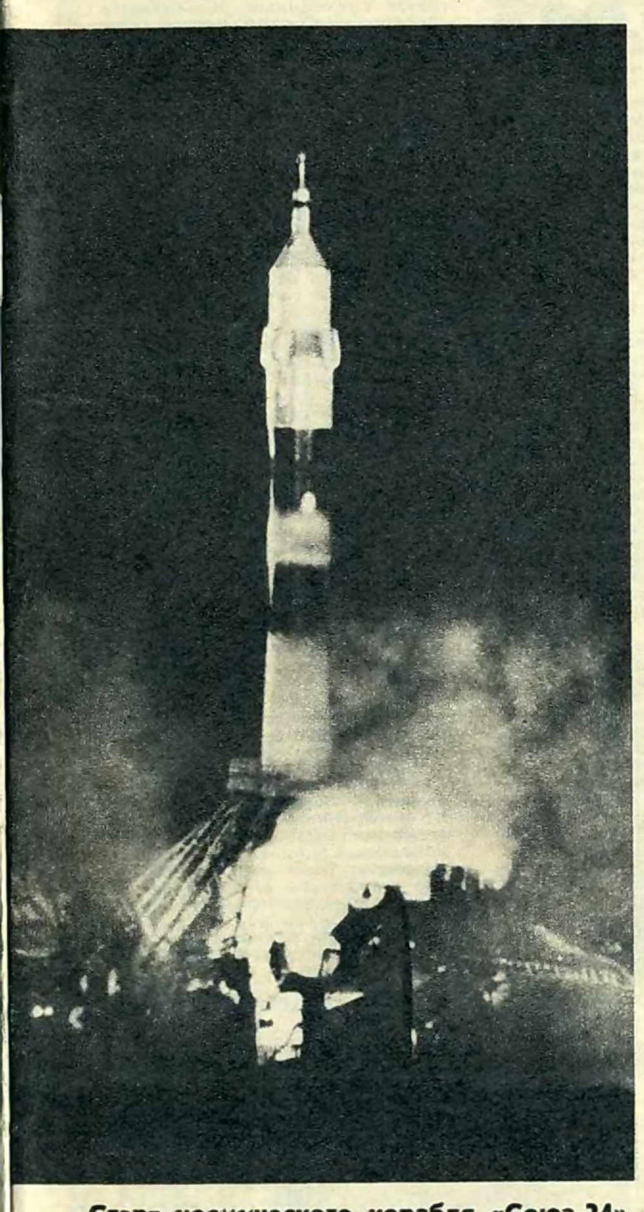
Эх, хорошо бы сейчас лечь спать, да так, чтобы проснуться часов за пять до старта!

— Неужели смог бы?

— Похоже... Да ведь нельзя. Предстоит еще кое-что подработать. Нужно быть в форме.

Меня очень интересуют вопросы работы человека в открытом космосе. Деятельность человека в безопорном пространстве — это целая наука, которая еще только создается. Для чего нужна такая деятельность, понятно. Это, например, различные настроечные, ремонтные работы, обслуживание научных приборов, установленных снаружи космического аппарата. Все это очень интересно. Но — увы! — в программу нашего полета на станции работа в открытом космосе не входит. Однако,— он заразительно смеется,— летать из-за этого я отказываться не собираюсь.

...И вот Виктор Горбатко и Юрий Глазков в космическом полете...

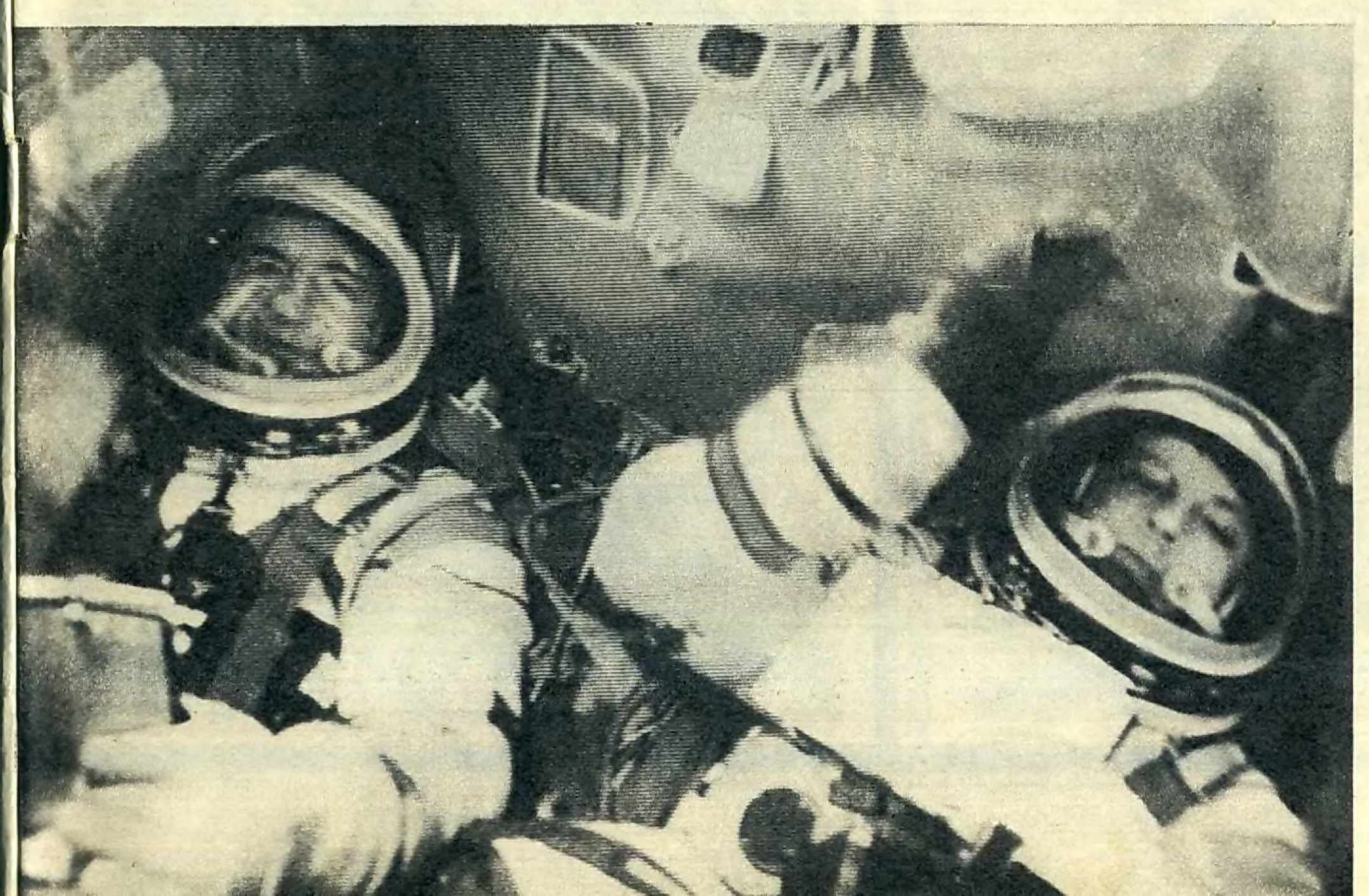

Старт космического корабля «Союз-24».

Телефото спец. корр. ТАСС А. Пушкарева и Н. Акимова

Экипаж космического корабля «Союз-24»: командир корабля В. В. Горбатко (слева) и бортинженер Ю. Н. Глазков во время тренировок.

Фото А. Пушкарева (ТАСС)

Во время первого телевизионного сеанса связи.

Снимок сделан с экрана телевизора (ТАСС)

«ЯСТРЕБАМ» НЕЙМЕТСЯ

В свое время со страниц буржуазных газет не сходили сенсационные сообщения о неожиданном появлении у берегов Америки «загадочных перископов» или о том, что пилоты ВВС США безуспешно гонялись за «летающими тарелками», якобы «тайным оружием красных», а однажды на экранах североамериканской системы раннего предупреждения появилась «эскадрилья вражеских бомбардировщиков». К счастью, быстро распознали стаю гусей, и чреватые трагическими последствиями «ответные действия» были предотвращены.

Казалось, подобные «утки» о «коварстве Кремля» давно уже канули в Лету. Ан нет, в американской прессе вновь появляются мрачные, сеющие тревогу информации. Противники разрядки, известные в печати как «ястребы», развернули очередную интенсивную кампанию запугивания людей мифической «советской угрозой». «Загадочные перископы» и прочие призраки времен «холодной войны» уже давно вызывают у людей скептические улыбки, потому теперь стращают американцев основательнее. В ход идут доклады экспертов, выкладки военных специалистов, выдаются «сверхсекретные» цифры, из которых ясно только одно: чтобы «догнать русских», надо запустить конвейеры военно-промышленного комплекса США на еще большую скорость. Приведены в действие организации, давно специализирующиеся на нагнетании военного психоза, мобилизуются политики и генералы, в первую очередь бывшие руководящие сотрудники Пентагона, ЦРУ, госдепартамента, набившие руку на клевете по адресу Советского Союза.

В сенатской комиссии по делам вооруженных сил с пеной у рта кликушествуют небезызвестные сенаторы-ультра Нанн и Бартлетт: «Советский Союз наращивает вооружения, стремясь к решающему превосходству», «НАТО на грани катастрофы», «Возможность потенциально сокрушительного удара русских в Центральной Европе». Им вторят участники антикоммунистического сборища в Вашингтоне. Бывший командующий войсками НАТО в Европе Э. Гудпейстер пугает своих слушателей «новейшими разведывательными данными» о «наращивании с интервенционистскими целями вооруженных сил СССР». Директор лондонского «института по изучению конфликта» Б. Крозьер объявляет, что, собственно говоря, мира после окончания второй мировой войны и не наступало — сразу началась не осознанная общественностью третья мировая война, «односторонняя агрессивная война Советского Союза против некоммунистического мира».

Мутные воды этой провокационной кампании выплеснулись и на берега Западной Европы. В натовском хоре на самых верхних нотах истерии звучат голоса шпрингеровской прессы, буржуазных газет Англии и ряда других западноевропейских стран. А французский журнал «Дефанс насьональ» нарисовал перед своими читателями страшные картины «вероятного» нападения СССР, который-де «похоронит» Западную Европу. В натовских кругах усиленно муссируют сочиненный бельгийским генералом Робертом Клозом «сценарий войны», согласно которому «красные» бронетанковые войска прорвутся к Рейну за 48 часов. По-прежнему особенно усердствует главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе американский генерал А. Хейг. В интервью журналу «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» он, например, объявил, что, если НАТО не будет усиленно увеличивать свои вооруженные силы, эта организация... «может потерпеть крушение».

Повернуть вспять развитие международных отношений, воскресить мрачные времена «холодной войны», еще более подстегнуть гонку вооружений — таковы подлинные стремления тех, кто раздувает кампанию о мифической «советской угрозе».

Советскому Союзу нет нужды заверять в своем миролюбии: оно многократно доказано исторически и подтверждается повседневными акциями советской внешней политики. Тем более нет нужды оправдываться в том, что приписывают мастера дезинформации, работающие по заказам военно-промышленного комплекса. Не Советский Союз, а реакционные силы на Западе раскручивают все новые и новые витки гонки вооружений, прежде всего ядерных, бросают сотни миллиардов в бездонную пропасть военных приготовлений. И этим силам, действующим под лживым предлогом «советской угрозы», Советский Союз будет давать всемерный и решительный отпор. «Добиться разрядки международной напряженности, как все мы знаем, стоило огромных усилий,— сказал в своей речи Л. И. Брежнев на торжественном собрании в Туле.— Сохранить накопленный политический капитал разрядки тоже нелегко. Но никакие трудности и препятствия не заставят нас отступить. Сделать мир прочным, нерушимым — нет задачи более насущной и жизненно важной».

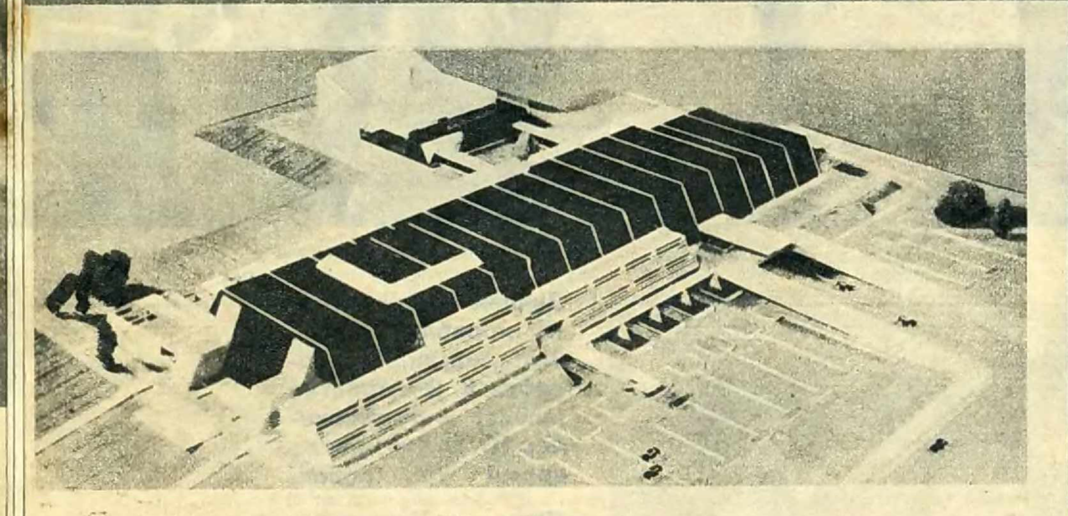
В. ДУНАЕВ

L'EUROPE SANS DEFENSE?

«Сочинение» Р. Клоза, пропагандистское словоблудие бельгийского генерала, в котором он запугивает обывателей мнимой «советской угрозой».

Фото из журнала «Тайм».

БЕЛГРАД ГОТОВИТСЯ

В новом Дворце конгрессов, который возводится сейчас на левом берегу Савы, в районе, известном под названием «Новый Белград», летом нынешнего года соберутся представители государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Они обменяются накопленным опытом претворения в жизнь хельсинкских решений, обсудят перспективы развития политического, экономического, научного и культурного сотрудничества европейских стран.

— То, что именно наш город избран местом этой встречи, — рассказывает мэр города Живорад Ковачевич, — мы, белградцы, рассматриваем как большую честь.

В новом дворце — он займет площадь почти 40 тысяч квадратных метров — будет конференц-зал на тысячу мест, четырнадцать других залов. Для отделки здания используются современные материалы, алюминий, ценные породы дерева, красный югославский мрамор. Художники, народные умельцы готовят для украшения дворца картины, ковры, чеканку по меди.

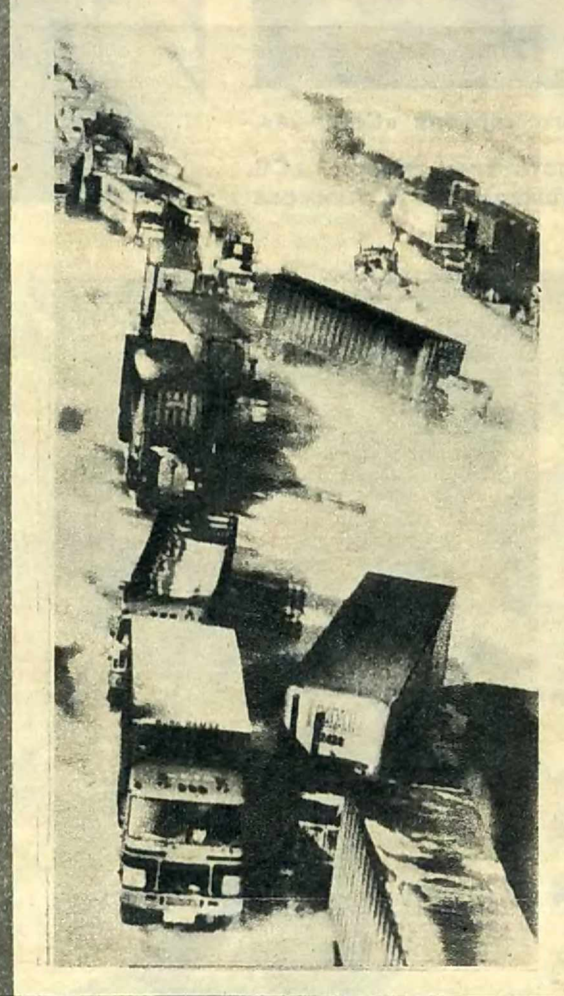
В 1978 году предусматривается расширение дворца: будет пристроен еще один зал на 4 тысячи мест, рядом появится искусственное озеро. Сооружаемый по проекту известного югославского архитектора С. Максимовича, дворец станет одним из красивейших зданий столицы.

Ю. КОРНИЛОВ

На снимке: макет Дворца конгрессов в Белграде.

СИЛЬНЕЙШИЕ СНЕГОПАДЫ

Сильнейшие снегопады обрушились на ряд районов Соединенных Штатов Америки. Снежные завалы парализовали автомобильное движение в штатах Иллинойс, Висконсин, Индиана, Мичиган. Закрыты школы, не работают многие магазины и учреждения. Нехватка снегоочистительной техники затрудняет борьбу со снегом. Суровая зима обострила многие экономические и социальные проблемы. В результате нехватки топлива, искусственно созданной монополиями ради увеличения своих барышей, закрываются заводы и фабрики. Предприниматели взвинтили тарифы на газ, электричество, мазут и бензин, что тяжким бременем ложится на бюджеты семей со средним достатком, не говоря уже о бедняках.

На снимке: на одной из автомобильных дорог в штате Индиана.

Фото АП—ТАСС.

ДЕМОКРАТИЯ ПО ПИНОЧЕТУ

В канун рождества чилийский диктатор Пиночет долго ломал себе голову, придумывая рождественский подарок для чилийцев. Не мудрствуя лукаво, он во всеуслышание объявил о рождении в стране «тоталитарной демократии». То-то, думал он, возрадуется народ. Так нет же, поносят своего «благодетеля нации», никак не могут уразуметь его хороших намерений.

Здесь хочется сделать маленькое отступление, чтобы показать реальное положение вещей в Чили, отбрасывая в сторону демагогические заявления фашиствующего диктатора.

Согласно официальным статистическим данным, безработица в стране достигает 20 процентов. По сообщению одной из организаций чилийской католической церкви, в районе Большого Сантьяго зарегистрировано 30 процентов безработных. В других районах 40 процентов. Несколько миллионов чилийцев не имеют теперь никаких денежных доходов, а те, кому посчастливилось и кто нашел работу, получают такую низкую заработную плату, что она не может обеспечить повседневный рацион чилийской семьи. За последние три года покупательная способность чилийцев уменьшилась более чем на 50 процентов. Чили побивает все рекорды в росте детской смертности. Истощенные учащиеся на занятиях падают в обморок. Полуголодное существование ведут и трудящиеся средних слоев, и сельское население, у которого отняли земли, чтобы вернуть их прежним хозяевам.

Возвращение промышленных предприятий и банков частным владельцам привело к концентрации богатства и экономической власти в руках небольшой группы семей и финансовых магнатов. Чилийцы их называют «крокодилами». Именно они являются основой режима Пиночета.

Свобода по Пиночету. Рисунок из газеты «Пиплз уорлд».

Каким образом Пиночет контролирует положение в Чили? Благодаря своей главной ищейке, карательному органу — национальному разведывательному управлению (НРУ). Двадцать тысяч головорезов входят в эту терроризирующую народ организацию. Они могут безнаказанно арестовывать, забирать у людей имущество, пытать, убивать. Они опутали Чили сетью центров пыток. Чилийцы вздрагивают при каждом стуке в дверь, боясь, что это могут оказаться агенты НРУ. Продолжительное избиение дубинками, кулаками, мешками с сырой землей, электрический ток, горящие сигареты — обычные формы пыток в застенках хунты.

Такова демократия по Пиночету, и если под этим словом диктатор подразумевает террор, пытки, издевательство, голод и нищету народа, то можем ему предложить более точный вариант названия его режима: «кровавая диктатура».

В. ВЛАДИМИРОВ

Арест противников фашистской хунты — обычное явление чилийской действительности.

На штыках солдат держится режим Пиночета.

Фото ТАСС.

ПРЕМЬЕР НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

В Токио начался суд над бывшим премьер-министром Японии К. Танакой, обвиняемым в получении крупных денежных взяток от американской авиастроительной компании «Локхид». Танаке грозит тюремное заключение сроком на семь с половиной лет. В этом деле, вскрывшем широкую коррупцию среди элиты Японии, замешано еще несколько представителей правящей либерально-демократической партии и бывших членов правительства. Суд над Танакой и другими обвиняемыми по делу компании «Локхид» привлекает к себе всеобщее внимание японской общественности. Не выйдут ли маститые политические дельцы-взяточники сухими из воды — вот вопрос, который интересует сейчас японцев.

Фото АП — ТАСС.

СОН НА СКАМЕЙКЕ

На снимке: бездомный в лондонском парке.

Фото ТАСС.

Далеко не каждый англичанин имеет крышу над головой. По официальным данным, 34 тысячи семей лишены домашнего очага. Даже в Лондоне существуют районы, где люди вынуждены коротать ночи в парках, под мостами и прямо на тротуарах, завернувшись в газеты, тогда как из-за высокой платы в городе пустуют десятки тысяч квартир. Экономическая политика английского правительства, предусматривающая резкое сокращение расходов на социальные нужды, в том числе на жилищное строительство, не оставляет никаких надежд тем, кто ютится в непригодных для жилья домах или вовсе не имеет крова над головой.

Н. КРЫЛОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

ПО ВЕНГЕРСКОМУ РЕЦЕПТУ

Серебристая пачка с белыми пуговками таблеток. На уголке изображен шприц, вписанный в колбу,— эмблема химического завода «Гедеон Рихтер», крупнейшего в Венгрии производителя лекарств.

Первый секретарь ЦК ВСРП товарищ Янош Кадар назвал его в числе трех лучших предприятий республики. Здесь работают пять тысяч человек, из них семьсот — специалисты с высшим образованием.

Недавно знаменитой фирме исполнилось 75 лет. В 1901 году талантливый и предприимчивый фармацевт Гедеон Рихтер открыл в Будапеште аптеку «Орел». Он не только приготовлял по рецептам врачей уже известные порошки и растворы, но и сам искал новые. Всего через год после того, как в Японии был впервые выделен адреналин из надпочечников, Рихтер выпускает препарат, содержащий адреналин, по разработанному им методу.

Лекарства, родившиеся в «Орле», очень скоро сделались так популярны, что лаборатория аптеки стала тесной, и ее хозяин открывает аптечный завод на том самом месте, где ныне стоят огромные корпуса со знакомой эмблемой. Тогда на фабрике было шесть фармацевтов и сорок рабочих.

Между прочим, сказали мне, после войны сын Г. Рихтера попробовал продолжать дело отца в Англии, но частная фирма не выдержала конкуренции с социалистическим предприятием.

Множество цехов, лабораторий. Сложнейшее оборудование. Есть даже свои операционные, где на животных проверяют действие лекарств.

Заглянем в один из цехов. Длинный коридор. Одна стена стеклянная. За стеклом — стерильное царство. Девушки в белых комбинезонах — только прорезь для глаз — колдуют у автоматов. Это цех инъекций. Там давление больше, чем снаружи, чтобы не попадал нестерильный воздух. На точных весах отвешивают сухое вещество, приготовляют раствор, и автоматы наполняют им ампулы.

Металлическая рука захватывает сразу четыре штуки. Они похожи на крошечные песочные часы в форме вытянутой восьмерки. Раз — тонкие трубочки-иголки вонзились в ампулы, сполоснули их инертным газом, высушили; два — наполняют раствором; три — язычки пламени запаивают их, с тонким перезвоном отваливаются верхушки стеклянных восьмерок, и ампулы, принявшие знакомую форму, поступают в металлический ящик. В нем они покинут стерильное царство. На них отпечатают название лекарства и отправят дальше, в упаковочный цех.

Мы пробирались туда по узкому коридору, впритык заставленному тележками с коробками готовых лекарств. Я взяла одну. «Винкристин» — стояло на этикетке по-русски. В соседней тележке те же коробки, только этикетки на немецком. Продукция завода идет в 80 стран.

Еще в Москве перед поездкой в Будапешт мой друг, венгерский журналист, напутствуя меня, говорил:

— Придешь на «Гедеон Рихтер», обязательно найди там Каролу Йованович. Мы с ней вместе учились в университете в Свердловске. Она прекрасно говорит по-русски, влюблена в свою работу, все знает про лекарства и вообще очень хороший человек.

Мне не пришлось искать Каролу — она сама встретила нас, едва мы переступили порог завода. Это удивительно обаятельная женщина с живыми карими глазами. Очень общительная, доброжелательная и энергичная. Она представила нам завод, где трудится почти два десятилетия. На ее счету добрый десяток патентов. Один из последних — на производство того самого винкристина, с которым мы встретились в упаковочном цехе.

Рабочее место Каролы Йованович

Фото Клары Баги.

— Как родилось это лекарство, Карола?

— Его получают из растения винка розеа. Открыто оно было в Америке. Из десяти тонн сырья удавалось получить всего пятьдесят граммов. Мы искали свой путь. Поиски продолжались несколько лет. Нам впервые в мире удалось получить винкристин синтетическим путем. Теперь мы продаем наш винкристин даже той самой американской фирме, где он был открыт. Американцы покупают его у нас килограммами. По аналогичной технологии было получено еще одно лекарство от рака. Сейчас оно проходит проверку в клиниках. Когда закончатся испытания, мы надеемся приступить к выпуску.

Карола Йованович познакомила меня с заведующим фитохимической лабораторией Лайошем Данчи. В его кабинете внимание привлекла фотография на стене — какое-то растение с розоватыми цветами.

— Из этого растения,— объяснил хозяин кабинета,— группа ученых под руководством профессора Саса получила препарат девинкан, применяемый для лечения гипертонии. Он проходил испытания в советских клиниках. Вообще наш завод уже давно поддерживает широкие связи с советскими медиками. Так вот, советский профессор Вотчал обнаружил, что девинкан, расширяющий сосуды, оказывает особое действие на сосуды головного мозга. Выяснилось, что он эффективен и при лечении некоторых болезней глаз, уха. Дальнейшее развитие этого препарата привело к синтезу нового лекарства, которое сегодня является, пожалуй, одним из наиболее перспективных продуктов предприятия.

Это только один пример тех плодотворных «обратных связей», которые сегодня характерны для ученых и производственников социалистических стран.

Я спросила, что сегодня выпускает завод.

— Главная наша продукция, конечно, лекарства,— говорит Лайош Данчи.— Их получают из растений, из органов животных и синтезируют химическим путем. Вообще наша фирма прославилась в мире сложными по составу высокоэффективными лекарствами.

— Не могли бы вы назвать наиболее популярные на внешнем рынке?

Лайош Данчи четкими печатными буквами пишет латинские названия и тут же поясняет:

— Панангин — сердечное средство, седуксен — хорошо известный в СССР, реопирин — противоревматический препарат, деперзолон, гидрокортизон...

Он откладывает ручку и достает из ящика письменного стола маленькую книжечку. На красной обложке вытиснено: «Remedia Richter».

— Это новое издание указателя наших лекарственных препаратов.

Листаю книжечку. Под оглавлением строчка: «Напечатанные курсивом препараты зарегистрированы в СССР».

— Что это значит?

— Прежде чем новое лекарство займет свое место в медицинском арсенале той или иной страны, оно должно быть всесторонне проверено, должно отвечать соответствующим требованиям медиков. Только после этого министерство здравоохранения регистрирует новинку, и лишь тогда лекарство вступает в строй действующих.

— А как часто рождаются такие новинки у вас на заводе?

— С шестьдесят восьмого по семьдесят пятый год «Гедеон Рихтер» выпустил в продажу сто семьдесят девять новых лекарств. Мы ежегодно делаем тридцать — тридцать пять заявок на патенты у нас в стране и за рубежом.

— Не могли бы вы назвать лекарство, которое считается гордостью вашего предприятия?

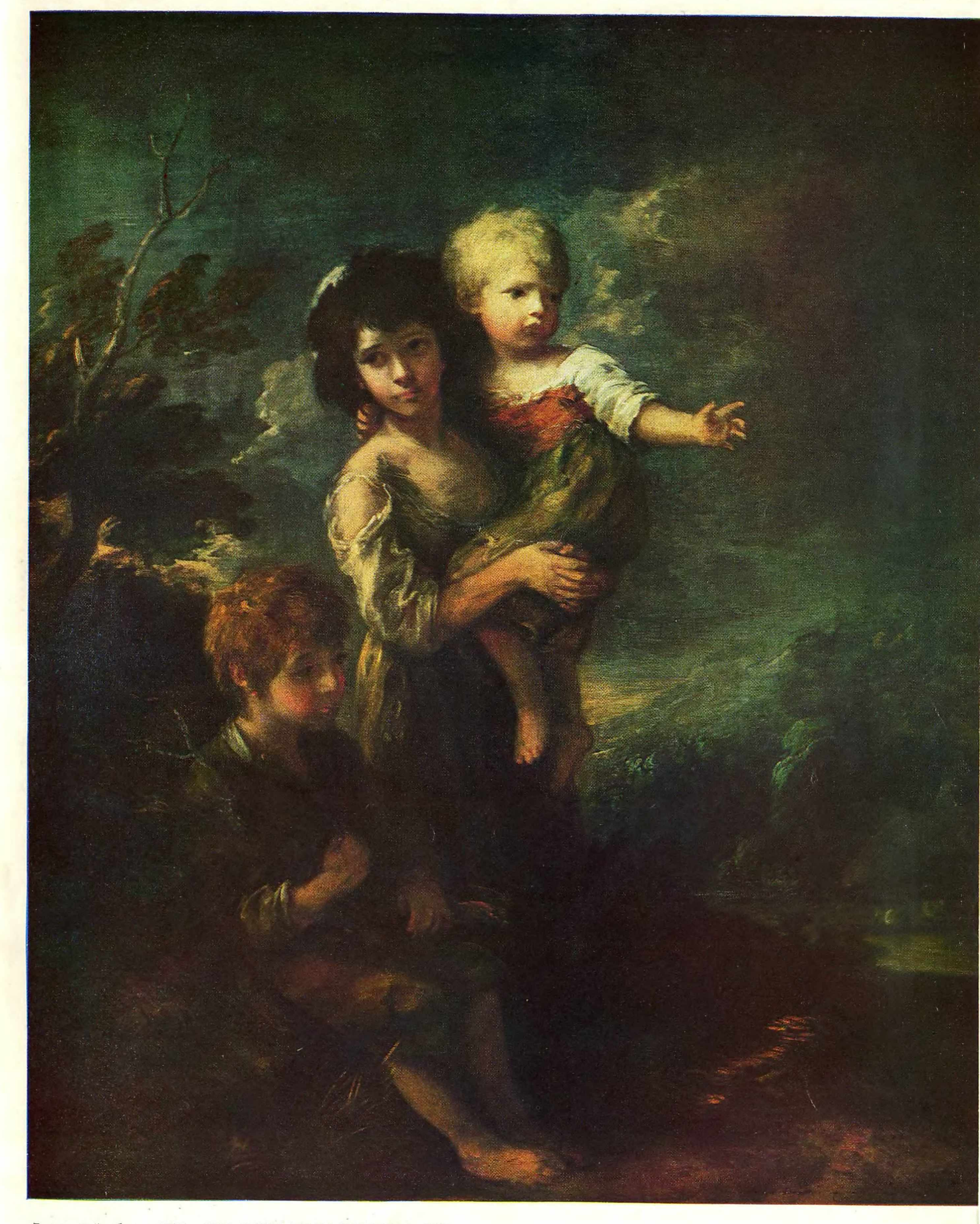
Лайош Данчи улыбается:

— Трудно назвать только одно. Пожалуй, синтетический гормон, регулирующий функцию надпочечников. Синтез его, состоящий из более чем ста двадцати этапов, венгерские ученые осуществили первыми в мире. За эту работу в семидесятом году была присуждена государственная премия первой степени. Работа велась в научно-исследовательском фармацевтическом институте, в университете имени Этвеша и здесь, на заводе. У нас,— продолжает Лайош Данчи,— очень широкие связи с научным миром — около пятидесяти институтов и университетских кафедр выполняют по заказу завода отдельные и фундаментальные исследования.

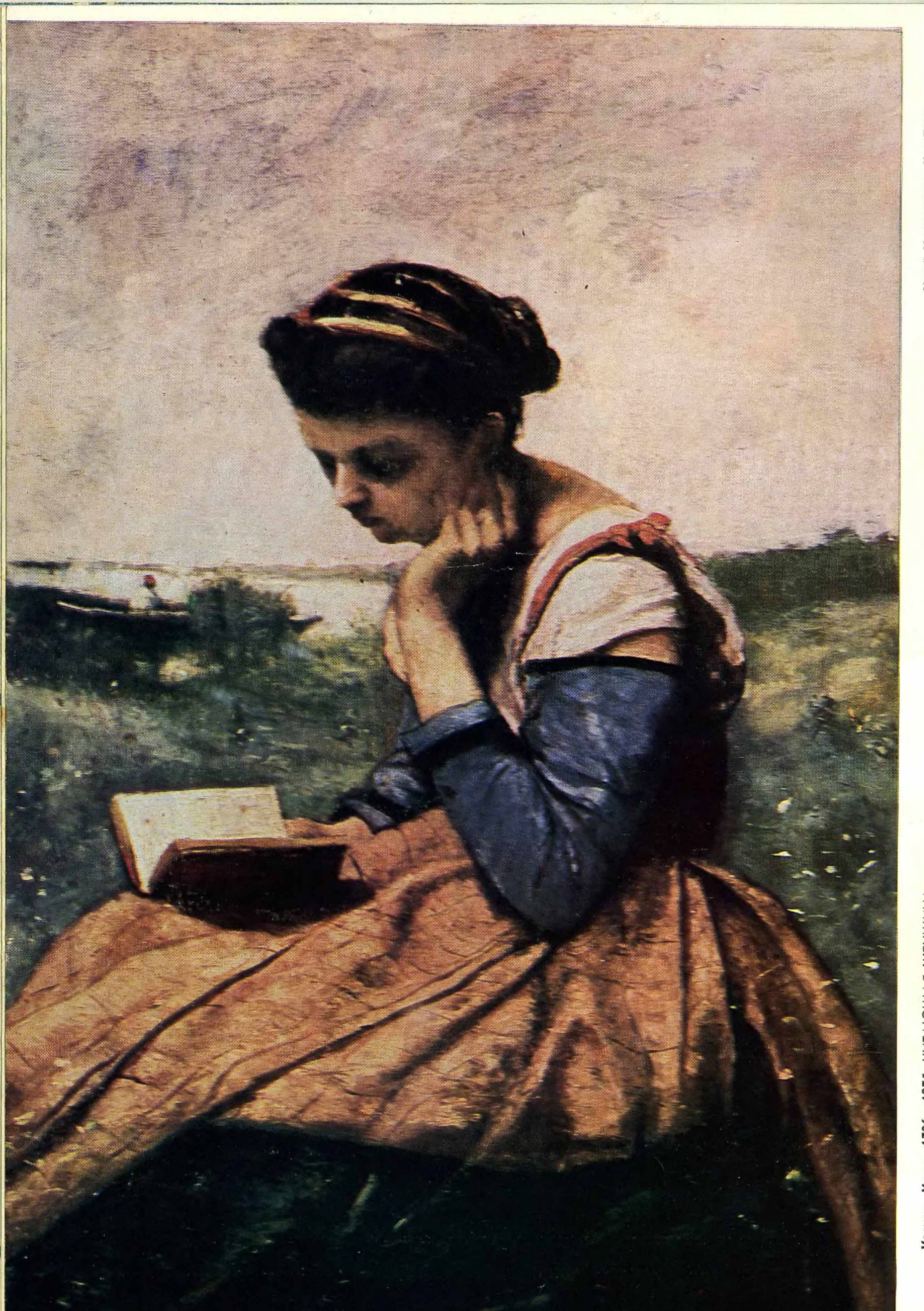
Известно: создание нового лекарства длится в среднем пятьдесят лет и обходится в миллионы. И тут социалистическая система хозяйствования предоставляет ученым и производственникам огромные возможности. Она позволяет планомерно вести исследования, наиболее рационально организовать научную работу, обеспечить стабильный рынок. Если производство лекарства обходится очень дорого, государство может дать дотацию, чтобы в продажу оно поступало по доступной цене.

Одновременно все более повышается роль совместных хозяйственных и научных действий стран социалистической системы.

Вот и фармакологи ведут свой поиск сообща. Недавно в Венгрию приезжали представители нашего Всесоюзного института лекарственных растений. Было подписано соглашение с фирмой

Томас Гейнсборо. 1727—1788. СОБИРАТЕЛИ ХВОРОСТА. 1787. Музей Метрополитен Нью-Йорк.

Камиль Коро. 1796—1875. ЧИТАЮЩАЯ ЖЕНЩИНА.

Музей Метрополитен Нью-Йорк.

«Рихтер» о совместных работах. Одна из главных тем сотрудничества — производство стероидов — гормональных препаратов. До сих пор их получали из растения, которое растет в Мексике. Подобные есть и в Советском Союзе. Предстоит совместно исследовать их свойства, чтобы наладить производство из советского сырья.

Разговор о контактах советских и венгерских фармакологов был продолжен в Медимпексе — так называется находящееся в Будапеште предприятие по экспорту фармацевтических товаров. Руководитель научного отдела по связям с социалистическими странами Лайош Гестеш прекрасно говорит по-русски.

— В Москве научился, где я провел четыре года, возглавляя бюро Медимпекса. У нас очень хорошие связи с советскими медиками. Каждый год мы вместе организуем симпозиумы. Последний проходил недавно в Будапеште.

— Что обсуждалось там?

— Речь шла о психотропных препаратах, которые испытываются параллельно у вас и у нас. Советские медики представили препарат сиднокарб, разработанный во Всесоюзном научно-исследовательском химико-фармацевтическом институте. У этого института есть контракт с фирмой «Рихтер». В частности, определено, что на заводе проводятся исследования, цель которых — результаты длительного применения этого лекарства. А в Советском Союзе, согласно этому контракту, идут клинические испытания. Синтезируя результаты, мы сможем сокращать время исследований, быстрее внедрять новое.

Еще пример,—продолжает Лайош Гестеш.— В Ереване проходил день венгерских лекарств. Туда приезжала большая группа наших фармакологов и клиницистов. В центре внимания были медикаменты, применяемые в акушерстве и гинекологии. Эти венгерские лекарства уже зарегистрированы и у вас. Клинические испытания проходили в институте акушерства и гинекологии у академика медицины Персианинова и профессора Мануиловой. Отзывы советских врачей нас очень порадовали.

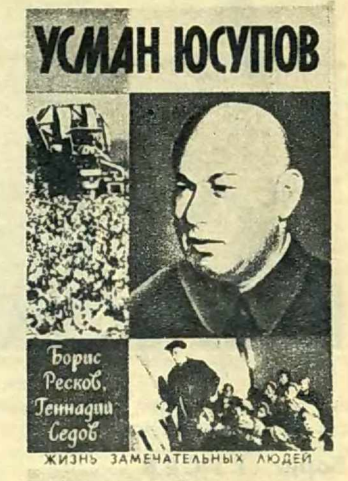
Интересна еще и такая форма сотрудничества. На заводе «Рихтер» была разработана технология производства одного лекарства против туберкулеза. Мы передали эту технологию Советскому Союзу и теперь получаем советский препарат, а сами перестали его выпускать.

* * *

Пожалуй, у нас в стране почти в каждой домашней аптечке найдется продукция этого предприятия — половина ее идет в СССР. И таблетки с маркой болгарского «Фармахима» и польские лекарства объединения «Польфа» тоже знакомы, наверное, многим. Значит, можно сказать, что нас лечит большая аптека СЭВ. Венгрия — один из главных ее поставщиков. По экспорту лекарств на душу населения республика занимает второе место в мире. Больше половины венгерского экспорта медикаментов в страны СЭВ состоит из продукции завода "Гедеон Рихтер", где мы с вами побывали.

Будапешт — Москва.

САД ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Одна из последних глав книги Бориса Рескова и Геннадия Седова о выдающемся государственном и общественном деятеле Узбекистана Усмане Юсупове начинается словами, которые, думается, подытоживают его жизненный путь: «Убеждения не были для него догматом, тем паче привычкой. Они были глубоко осознанной основой нравственной ответственности перед обществом — чувства, владевшего Юсуповым на протяжении всей жизни его».

Скупостью скудной, утомившейся пашни вокруг глухого кишлака Каптархона, что в переводе значит Голубятня, нищетой и безграмотностью его жителей, странными, чаще всего жестокими по отношению к человеку обычаями знаменуется первая веха судьбы Юсупова. Его родная земля жаждала воды, освежающей и очищающей бури, грозы, революции. И уже тогда в мальчишке-батраке зародилась мечта о воде, которая должна превратить его родину в цветущий сад не для богатых — для всех, в сад не в переносном, а в самом прямом смысле. Он понимал, что за мечту эту надо начинать бороться уже сейчас...

Читатель знакомится со скрупулезным анализом документов, фотографий, с воспоминаниями десятков людей, свидетелей тех далеких лет. Такой богатый материал собран впервые, собран с большим трудом — Юсупов не вел дневников. И речи молодого коммуниста, председателя профсоюзов строителей Ташкента, записывались редко.

Уже в самом начале его долгой работы на самых разных партийных и государственных постах авторы отмечают в Усмане Юсупове черты руководителя истинно ленинского типа.

Именно поэтому всегда самую большую меру ответственности он возлагал на себя, сознавая, что он, руководитель, должен видеть дальше других, всегда смотреть в будущее. Даже в тревожные предвоенные годы, когда, казалось, все взоры должны быть обращены только на предотвращение надвигающейся беды, его не покидала мечта о большой воде. Республике нужен был большой канал, нужен был сегодня. Первый, маленький, был построен почти на одном народном энтузиазме на средства окрестных колхозов Ферганской долины. И это был главный козырь первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана Юсупова в доказательстве того, что народ справится и с более грандиозной стройкой, причем в идеально короткие сроки.

Партийный руководитель, государственный человек, умевший поднимать массы на свершения, без которых завтрашний день был бы до крайности труден,— таков Юсупов. После войны он работал много и самоотверженно. Он старался не терять ни минуты, не обращал внимания на болезни и, куда бы ни посылала его партия, всегда выполнял свой долг беззаветно. Министр хлопководства СССР, председатель Совета Министров Узбекистана Юсупов до конца предан был делу коммунизма.

Когда его назначили директором совхоза в Голодной степи, он принялся за дело с тем же рвением и энтузиазмом, как и за любое из прошлых партийных заданий, зная, что все это в первую очередь для людей. Юсупов предложил оздоровить запущенные земли, переведя почти все бригады совхоза впервые в республике на полный хозрасчет. При Юсупове отстающий совхоз впервые выполнил план по хлопку, рабочие стали зарабатывать в два раза больше прежнего. И к тому времени, когда совхоз принял новый директор, главное было уже сделано.

Юсупов вышел на пенсию. И снова вспыхнула горячим светом давно лелеемая мечта. Надо посадить сад. Для будущих поколений. И не у себя под домом, а большой, огромный, который мог бы дарить плоды всей стране. Так поэтичное, философское завершение жизни превратилось в новое сложное реальное дело. Юсупов стал директором агропромышленного объединения, с пылом и увлеченностью отстаивая идею сада-гиганта. При нем в Халкабаде было посажено полмиллиона яблонь. За Халкабад Юсупова, имевшего шесть орденов Ленина, наградили вторым орденом Трудового Красного Знамени. И это была одна из самых дорогих для него наград.

Он умер тогда, когда впервые зацвели посаженные при нем деревья огромного сада. Сада, созданного для людей.

Книга заканчивается символичными словами кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидова, сказавшего о Юсупове: «Там, где ступала нога Усмана Юсуповича, всюду, где он прикладывал руки, возникали сады, поля, цветы, жизнь. Он был садовником. Он был бойцом партии».

Н. ТУРЕНКО

Борис Ресков и Геннадий Седов. Усман Юсупов. М., «Молодая гвардия», 1976, 256 стр.

ТВ

СИЛА СЛОВА

О. Фомичева и В. Шурупов читают «Завещание».

Фото Э. Черняева

Телезрители помнят многосерийный фильм «Сибирь» по роману Георгия Маркова — эпопею, повествующую о далеком прошлом края. Сейчас мы встречаемся с героями Г. Маркова в советскую эпоху. Но и здесь писатель-сибиряк продолжает давний разговор, разрабатывая неизменную, магистральную тему своего творчества, целиком отданного Сибири, ее замечательным людям. Они появляются на телеэкране в новой постановке ТВ, созданной по одноименной повести Г. Маркова «Завещание». Сюжет ее, в общем, несложен, поэтому-то телевидение, следуя писательской манере, как всегда очень строгой и сдержанной, находит интересную манеру образной интерпретации, исполненную большого настроения и глубокой психологии. Проза Георгия Маркова инсценирована в форме живого литературного чтения. Думается, тут и не нужно было ничего другого — только исполнители, передающие в слове духовную красоту героев, нравственный облик действующих лиц... Их всего трое. Постановщики «Завещания» (режиссер А. М. Радченно, редактор В. В. Керова) очень удачно находят артистов, читающих и одновременно играющих — именно играющих! — «Завещание».

Главный герой картины Михаил Иванович Нестеров, уцелевший на войне, приезжает в городок Приреченск по завещанию погибшего друга Степана Кольцова, чтобы выполнить его наказ: помочь Лиде Кольцовой устроить жизнь, а главное, отыскать клады сибирской земли.

Полная удача ждет Нестерова в экспедиции... Здесь же он находит и свою любовь — славную русскую женщину Евдокию Калинкину.

Все они полны созидательной энергии, прочные, верные, надежные люди. Таков Нестеров — В. Шурупов, такова Лида И. Деминой, такова и Евдокия Калинкина, председатель колхоза, лаконично, но очень ярко «прочтенная» и сыгранная О. Фомичевой... Три актера сумели раскрыть монументальную панораму сибирской жизни, создали запоминающиеся образы современников.

Только тридцать пять минут идет передача. Декораций почти нет; все внимание постановщиков и артистов отдано внутренней жизни героев, их взаимоотношениям. А за ними мы видим большую судьбу советского народа, прекрасную цельность национального русского характера.

Жаль, что передача шла в те дневные часы, когда возле телеэкранов не так-то уж много бывает зрителей; стоило бы, наверное, хорошие, содержательные программы «Литературных чтений» давать в вечерние часы.

А. ЗВЯГИНА

Борис ГУСЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

СЕРЕЖИН

I

— Сережа!

Не слышит. Или не хочет слышать. Что ж, это его право. Последнее время я редко вспоминал о нем. И это плохо.

— Сережа! Се-ре-жа! — тревожнее и громче зову я. И вдруг слышу где-то совсем близко:

— Здесь я...

— Сережа... Пришел? Хорошо. Подойди-ка ко мне...

— Зачем?

— Мне хочется взглянуть на тебя. Побеседовать.

Мальчик лет пятнадцати подходит ко мне. На нем вылинявшая гимнастерка без погон — их еще не ввели в армии; галифе — суконные, почти новые, не утратившие свой защитный цвет, и кирзовые сапоги. На широком солдатском поясе — маленькая кобура. Мальчик не глядит на меня. Глаза его опущены вниз — дурной признак.

«Зачем же я звал его, зачем?» — мучительно думаю я.

— Вот ты пришел, а я не знаю, что тебе и сказать... Повидал, и как-то легче на душе. Правда.

— Как это?

— О, это твое «как это?»! Помню, обычно ты именно этими словами отвечал на то, что было тебе неясно. И даже, помнишь, когда та девочка из дома у озера сказала тебе: «Сережа... поцелуй меня», — ты растерялся и сказал: «Как это?» Чего ты краснеешь?

— А где она?

— Где она сейчас?.. — Я вздыхаю, задумываюсь и отвечаю: — Не знаю, брат... Последний раз я видел ее лет десять назад, где-то в шестьдесят пятом... Вышла замуж.. Мне бы очень хотелось повидать ее, как и тебя, но это, к сожалению, не в моей власти... А ты... ты можешь это сделать — позвать ее.

— Как это? — спрашивает он.

— Ты должен вновь пройти по своему кругу — и в нем ты встретишь ее. Для тебя ведь война не кончилась и не кончится никогда. Но ты не думай, что я все позабыл... Я тоже раз в год... или нет, пожалуй, раз в три года бываю в тех краях.

— И что?

— Ничего. Просто так, — тоже хожу. Вспоминаю тебя. Ты почему отвернулся? Сережа!.. А? Ты сердишься на меня?

Он качает головой.

— Или, быть может, стыдишься меня?

Он пожимает плечами.

— Но скажи что-нибудь мне. Скажи: «Ты поступаешь плохо», — мне все будет легче, чем это твое молчание.

— Я не хочу так говорить...

— Из вежливости или из жалости?

— Не знаю.

— Все ты знаешь! Ты был, — теперь я это понимаю, — умным мальчиком. Умнее меня.

— Вы говорите неправду...

— Нет, верно, Сережа. Тебе я не могу врать. Умней и честней, ибо каждую минуту делал то, что нужно, и не делал того, чего не нужно. О себе я этого, к сожалению, сказать не могу.

— Я пойду, — говорит мальчик-солдат.

— Постой, ты куда сейчас?

— Мне пора... Сегодня моя очередь везти почту.

— Сережа, возьми меня с собой! Мне так горько и одиноко. Особенно сегодня, сейчас... Сегодня тот день — семнадцатое. Мамин день...

— Я знаю.

Глаза его полны слез. Он плачет не обо мне.

Я хочу обнять его, но он отстраняется и говорит:

— Пошли!

II

Сережа вбегает в низкое, темное помещение. За старым столом при свече, склонившись, сидит начальник штаба в накинутой на плечи шинели — капитан Песочинский. Тень от профиля его длинного, худого лица с вытянутым носом падает на бумаги. Сереже его искренне жаль, но капитан этого не знает. За спиной начштаба огромный железный сейф. На столе полевой телефон, кобура с наганом и шило. Услышав скрип двери, быстрые шаги, даже не подняв головы, капитан говорит хриплым, сердитым голосом:

— Ра-а-но!

Мог бы и не ворчать. Мальчик и сам видит, что рано: конверты лежат незаклеенные. А после их надо еще прошивать, засургучивать. На это нужно минут двадцать. Но уходить не хочется. Здесь тепло. Единственное, что позволяет себе капитан, — это с утра до ночи топить печурку. К другим войдешь — дым столбом. У начштаба — не-ет. Зато он всегда сам топит. Велит дневальному выбрать полешко посуше и станет колоть лучины. Классно получается! Лучинки одна к одной — ровненькие... И видно, ему это нравится. Хороший дядька, не вредный. Старый уже, наверное, пятьдесят будет.

...Сережа молча наблюдает, как Песочинский прошивает конверты суровой ниткой. Потом держит сургуч над свечой. Песочинский экономит сургуч, потому штампы не очень красивые.

— Товарищ капитан, сегодня много пакетов? — спрашивает Сережа.

— Ни мало ни много. Сколько нужно.

— С семерками, как у нас приняли в штабе, есть?

— Есть. Еще что? Ну, спрашивай! Растерялся. А вопросы все бесполезные. Ты бы спросил: куда, какие концы, пароль — вот что нужно знать связному. А ты — про семерки, как мальчик...

— А вы разве знаете пароль?

— Сообразил! Пароль — «мушка». Мог бы узнать и у Лобанова. Но это вчерашний, он действует только до девяти вечера. С девяти вступает уже новый — «ствол», «затвор», «курок», «нигель» или еще что-нибудь в этом роде. Комендант Дубовой Рощи фантазией не богат. Заставляет вас, связных, изучить части винтовки. Я бы на твоем месте давно бы освоил эту систему... А новый пароль спросишь у Рыбина, нечего тебе, Серега, лишний конец к коменданту делать... — уже совсем другим, мягким, даже заботливым тоном говорил капитан.

— А Рыбин знает?

— В девять часов ему сообщат. Как раз к твоему приходу.

— Не скажет он...

— Скажет! А не скажет, передай ему от меня, что он перестраховщик и бюрократ.

«Нарочно. Ведь знает, что не скажу так», — снисходительно размышляет Сережа.

В штаб входит военный в пенсне, весь нескладный, гражданский, озабоченный. Это Эренбург. Но не тот, знаменитый, а обыкновенный майор, военврач, начальник эвакоотдела госпитальной базы. Офицеры подшучивают над ним, постоянно спрашивая, когда он успевает писать свои статьи. Конечно, шуточки б тотчас прекратились, если б майор не обращал внимания на них. А он обижается, как маленький. Вот его и заводят.

— Михаил Сергеевич, какие есть сведения о подходе летучки? — обращается Эренбург к Песочинскому.

— Сведения получишь своевременно и ни минутой раньше, — отрезает начштаба.

Странно. Начштаба всего лишь капитан, а у Эренбурга две шпалы. Он же главней. Но капитан командует им. Не только им — всеми. Лишь перед командиром части и перед комиссаром встает навытяжку и сразу — рапорт. Четко, красиво... Эренбург, когда дежурит по части, тоже рапорты отдает, но не так, хотя, видно, тоже старается.

— ...Но примерно какое количество коек потребуется развернуть? Это не секрет? — спрашивает Эренбург.

— Секрет. Но владею им не я, а немцы, точнее — фон Лееб. Ты у него спроси. Курить, конечно, у тебя нет.

— Я же не курю, Михаил Сергеевич.

— Бесполезный ты человек!

— Михаил Сергеевич, мне сейчас не до юмора. Полковник приказал...

— Правильно приказал...

— Но вы же не знаете, что я имею в виду...

— Это неважно. Я знаю, что приказал полковник.

Но тут капитан замечает Сережу.

— А ты что сидишь, уши развесил?! — вдруг ополчается капитан на Сережу.

Он вручает мальчику шесть запечатанных пакетов и отдельно седьмой, добавив с иронией: «Вот тебе твое любимое, с семерками».

— Все ясно?

— Так точно, товарищ капитан.

— Кругом... арш!

Все. Теперь на мороз. Надолго. При выходе из части Сережу останавливает замерзший часовой и начинает бороться с мальчиком.

— Генка, пусти, я на поезд!

— Поезд только в семь пятьдесят, знаю. Курево есть?

— Не-а...

— Серега! Добеги до Ловейки и скажи: «Колотушкин сидит без курева». Он у меня, старый черт, вчера три раза стрелял.

Сережа бежит к казарме, отыскивает Ловейку и, получив от него самокрутку, возвращается. А Генка все стоит в проходе. Скучно, хочется поболтать, а не с кем.

— Постой, Серега! У тебя еще полчаса, а ходу здесь всего пять минут. Чего там мерзнуть на станции? Покурим. Я оставлю тебе ровно половину.

Генка быстро затягивается, посматривая, сколько осталось. Сережу не очень-то тянет курить, тем более замусоленный окурок. Но он ждет. Ничего не поделать. Это уж принято.

— Тебя тут с час назад эта... рыженькая спрашивала. Ну, которая приходит менять к нам табак на хлеб. Да никто не шел, а мне было не отлучиться с поста. Постояла, померзла и ушла.

— Интересно, а как она меня спросила, Генка?— говорит Сережа, подозревая подвох.

— Так и сказала: «Позовите мне маленького черненького солдатика!» Кого ж еще?

— Ну, это уж ты точно врешь! Все. Я пошел...

— Да постой! Курить-то будешь?..

Но Сережа уже бежит по темной улочке. По бокам ее деревянные дачи, домики — пригород Ленинграда. На стеклах белеют бумажные кресты и ни полоски света. Многие дома заколочены досками, хозяева эвакуировались.

Мороз не сильный, но градусов десять есть. А то и больше. Сумка с пакетами легонько бьет по бедру. Вчера пакеты возил Сережин напарник Лобанов. И вернулся к полуночи. Как же это ему удалось обернуться? Даже если обратно на КП подвезло с машиной. И каждый раз Лобанов часа на два опережает. Спросишь — смеется: «Уметь надо». Наверное, ему Рыбин открывает пароль.

На станции было пусто и холодно. Эту пригородную станцию с вокзалом из темно-красного кирпича и деревянным шпилем на крыше Сережа помнил с детских лет. Бывало, он с папой и мамой приезжал на озеро купаться. Неподалеку от вокзала, на холме у озера — большое старинное кладбище. Оно тоже знакомо ему. Сколько связано с ним детских воспоминаний...

Подошел поезд без огней и, простояв с минуту, шипя, тронулся. Сережа сел у окна, поднял воротник шинели,— здесь было еще холоднее, чем на улице. Ветер свистел в разбитые окна вагона. Домики кончились. За окном белели поля. В углу, сбившись по пятеро на скамье, сидели солдаты, слышался смех,— один рассказывал что-то веселое.

— Братцы, глянь, на город идут,— раздался чей-то голос.

Сережа припал к окну. В темном небе часто вспыхивали огни зенитных разрывов и скрещивались лучи прожекторов.

— Чего он отсюда прет? С юга ему ближе. Семь минут — и в центре города,— заметил старшина.

На следующей станции, когда шум колес смолк, слышалась лишь отдаленная дробь зениток. Сережа вышел на площадку. Поезд сбавлял ход. Отворив дверь, мальчик выглянул из вагона. В лицо ударило холодом. Впереди виднелся виадук, от него шла прямехонькая дорога к Дубовой Роще,— вот бы здесь остановку сделали! Полкилометра, не больше. А от станции все три, да еще КП, да еще если на КП дежурит тот вредный старшина, что однажды хотел отобрать пистолет у Сережи («Солдату винтовка положена или автомат»)... Вспомнив об этом неприятном эпизоде, Сережа вздохнул. И вдруг в голове, как открытие, мелькнула гениальная мысль, тотчас объяснившая ранние возвращения напарника и, напротив, его, Сережины, неудачи. Он спустился на нижнюю ступеньку и, едва вагон оказался против виадука, с силой оттолкнулся назад и спрыгнул на насыпь. Упал он в снег, но все же обо что-то больно ударил колено. Встал, отряхнулся. И мысленно представил себе спокойное в морщинах лицо Лобанова. «Неужели и он так каждый раз?! Невозможно. Хотя он хитрый...»

Слегка прихрамывая, Сережа по откосу взобрался на виадук и дальше по накатанной дороге двинулся напрямую к Дубовой Роще. Вышла луна. Пройдя с сотню шагов, он глянул в сторону станции, от которой тоже шла дорога к Дубовой. Через освещенное луной пространство было отлично видно, как со станции на дорогу выскочил сперва один, за ним еще и еще люди — с поезда. И все они, обгоняя друг друга, спешили к шлагбауму КП. «Их еще и там продержат»,— подумал он с торжеством, однако ускорил шаги и в половине девятого уже подошел к отделу Рыбина. Пароль «мушка» отлично сработал, и вскоре он нетерпеливо постукивал в закрытое, вделанное в стену окошко. Но оно не открывалось, как обычно. Наверное, Рыбин был у начальства... Не повезло... Сережа удрученно вздохнул. Прошло пять, десять, пятнадцать минут... Пропадало даром время, выигранное от прыжка. Конечно, можно было сбегать в следующую часть, тут недалеко, с полкилометра. Но думаешь — вот-вот придет. А теперь все, пароль забит. Без пяти девять.

— А ты чего сегодня так рано?— раздался позади голос. И, обернувшись, Сережа увидел низенького лейтенанта, в котором не вдруг узнал Рыбина. Ну ясно: он же впервые видел его в человеческий рост, а то все через окошко. И Рыбин казался ему высоким.

— Товарищ лейтенант, я уж полчаса жду...

Рыбин прошел к себе и, вредничая, чего-то долго ходил, гремел, наконец открыл окошко.

— Давай! Чего у тебя...

Сережа передал ему пакет и блокнот для расписки. Тот принял, расписался, выбросил блокнот, и окошко захлопнулось. Сережа вновь забарабанил.

— Чего тебе еще?— не открывая.

— Товарищ лейтенант... Минутку, откройте!.. Выругался, но открыл.

— Товарищ лейтенант, пароль скажите... Сейчас девять, старый уже кончился... Если б раньше, я б успел... Я ждал полчаса.

Рыбин внимательно взглянул на связного и спросил:

— Постой, ты где?

— Как «где»?— удивился Сережа.

— Ты где находишься? Ты находишься в армии. А в армии есть порядок, устав. Что, в первый раз почту развозишь? Пароль, согласно порядку, сообщает комендант по предъявлении командировочного предписания. Ясно?

— Комендант у заставы, это в стороне, а мне сейчас к Латышеву идти... И капитан Песочинский сказал, чтоб вы... У меня же есть предписание, вот читайте!

— Постой, что сказал Песочинский?

— Чтоб вы дали пароль.

— Передай Песочинскому, чтоб он командовал в своем подразделении... Под трибунал не его, а меня потянут. Ишь какой!.. Это он на моей шее хочет в рай въехать. Не пойдет.

— Ни в какой рай он не хочет, ему вообще трудно живется,— вырвалось у Сережи.

— Всем, солдат, трудно. У меня бумаг вдвое больше. И все «совсек»,— с обидой заговорил Рыбин.— Ты загляни в окно. Загляни, загляни! (Сережа послушался.) Видишь, койка? Вот здесь и сплю.

— Все верно,— согласился Сережа,— работы, конечно, и у вас много. Я про другое... У Песочинского семья в городе. Весь паек туда тащит...

— Большая семья?

— Не знаю. Но все уже поправились, а он худой, как и был...

Сережа молчал. Рыбин колебался.

— Товарищ лейтенант, но вы верите, что мне дадут в комендатуре пароль?— спросил мальчик.

— Дадут! Точно говорю. Дуй!— обрадовался Рыбин.

— Но я же спешу... Я же целый час выгадаю.

— А куда ты спешишь? А? Уж не к девкам ли?— В глазах лейтенанта появился живой интерес.

— Почему «к девкам»?— Сережа скромно опустил глаза.

— Признайся, признайся!— Рыбин даже высунул голову из окна.

К сожалению, признаваться было не в чем. Но Сережа интуицией почувствовал, что надо соврать и тогда Рыбин, может, скажет пароль.

— ...Постой, а сколько тебе?

— Шестнадцать... Будет скоро.

— Так. Ну что ж... Я в шестнадцать уж поглядывал. А ей?

— Ей... тоже шестнадцать.

— Кто ж она? Школьница еще?

— Местная, рядом с нашей частью живет...

— Блондинка, брюнетка?

— Так... Немного рыженькая.

— О, рыжие, они, знаешь!.. Значит, ты что ж, отсюда — и к ней? Она живет одна?

— Нет, с матерью. Еще коза у них есть.

— Коза? Зачем она? А, понятно, значит, ты и козье молоко пьешь... Неплохо пристроился. Смотри, а? Знаешь анекдот, приходит дистрофик к доктору. Тот ему прописывает витамин К. «А что это такое, доктор?» «Катя, корова, картошка». Вот ты куда спешишь... Ну-ну!..

Рыбин задумывается. Потом говорит:

— Сказать тебе пароль я не могу. Сказать!.. То есть произнести это слово. Исключено. И не проси.

— А вы напишите...

— Это еще опаснее... М-да. Но! Смотри сюда... Сюда, на меня смотри! Я знаю,— он сжал руку в кулак, двинул ею вперед и повернул кулак пальцами вверх,— я знаю, что ты выполняешь задание,— он снова повторил то же движение,— я знаю, что ты боец соединения, входящего в нашу армию,— снова тот же жест.— Понял?

— Затвор?!— вскричал Сережа.

— Тихо ты... мать твою!..

Окошко захлопнулось. И через несколько минут Сережа уже приближался по тропинке к скрытому в глубине деревьев домику.

— Стоять на месте!— раздалась вдруг команда откуда-то сзади.

Сережа остановился. Последовала проверка документов при свете фонарика. И один из охраны провел Сережу в домик, затем вниз в подвал, и открылось довольно обширное помещение. Горело электричество. Сопровождавший постучал в такое же, как у Рыбина, окно, но окованное железом. Окно приотворилось.

— Пакет? Давайте сюда,— приказал голос.

— Вы подполковник Латышев?

— У вас пакет ему?

— Да. Лично.

— Лично и передадим.

— Нет. Это я должен вручить лично,— твердо сказал Сережа.

Из окошка высунулась взъерошенная голова, оглядела связного с ног до головы.

— Чего дуришь? Подполковник, что ли, лично будет принимать почту? Еще чего!.. Есть я!

— Как мне рассказали, пакеты с семерками передаются лично адресату. Вы должны это знать,— отвечал Сережа.

— Ух ты, ученый, а ну, покажи!

— В моих руках — пожалуйста.— Он показал засургученный конверт.

— Ладно! Вам же хуже будет,— сдалась голова,— я вызову подполковника, но вам же хуже.

— Почему хуже?— насторожился Сережа.

— А так. Подполковник даст втык вашему начальству за нарушение: такие, как этот, пакеты положено опечатывать пятью сургучными печатями — четыре по углам и одна в

КРУГ

центре. А здесь всего одна, и у той сургуч обился, штемпель не разберешь. Я бы, так и быть, принял, но раз вы за форму стоите, разберемся, кто конвертовал.

Сережа не на шутку встревожился за капитана Песочинского. Неужели старик и в самом деле позабыл про пять печатей? Тем более был расстроен, сидел без курева. Наверное, надо было отдать пакет этому вредному дядьке... Не поймешь, и звания какого...

Но окошко уже захлопнулось, и наступила тишина. Сюда не доносились звуки снаружи. А домик-то, посмотришь с улицы — ничего особенного. Что здесь делают?

Наконец появился подполковник Латышев. Он взял конверт из рук Сережи и расписался в журнале. Лохматый дядька что-то шепнул ему. Подполковник нахмурился, вгляделся в надпись на конверте, вдруг улыбнулся и спросил связного:

— Вы от Песочинского?

— Так точно, товарищ подполковник,— вытянувшись, ответил Сережа.

— Сразу узнал почерк... Вместе служили в финскую. Он в каком звании?

— Капитан, товарищ подполковник.

— Он уже тогда был капитаном. Гм... Да, бывает... Привет ему от меня.

— Есть... Конечно, я передам.

— Вам-то сколько лет? Что-то молод для армии...

— Шестнадцать... Будет... В общем, скоро.

— Добровольцем пошел?

— Да. Так точно...

— Ну, правильно. Даже оружие. Это что — коровинский?

— Ага... «Тэка». На складе другого не было. Подполковник посмеялся.

— Надули тебя, солдат, «тэка» с вооружения давно снят. Но ничего, при случае пальнуть можно... Молодец, действуй!

Уже очутившись на улице, Сережа вспомнил, что нужно было ответить: «Служу Советскому Союзу!» Но он так обрадовался, что все хорошо обошлось, что забыл об этом.

Еще три захода, но концы дальние. Там все обычно. Приняли, расписались.

А потом ожидание на КП попутной машины,— поездов уже не было. Машины шли, но все не те: либо черные «эмки» с генералами и полковниками — им шлагбаум поднимали без проверки документов; либо «студебеккеры» с боеприпасами — эти никогда никого не сажали. Сережа замерз и заходил в будку КП греться. Там топилась времянка. Часу в третьем ночи в будку забежал дежурный КП и тряхнул за плечо мальчика:

— Давай, солдат!.. Машина в город идет, еле уговорил взять... Но шофер малость кернул,— ну, мы и прижали. Возьми, мол, а то права отберем.

Сережа подбежал к шлагбауму. В грузовике ГАЗ-2А в кабине сидело двое — водитель и старшина. В кузове никого не было. Сережа мигом взобрался туда, махнул добрым пограничникам рукой, шлагбаум поднялся, и машина тронулась. Он сел прямо на пол у кабины, закрывавшей его от ветра.

III

Пустую машину потряхивало на каждой выбоине. Мысли были разные. Он подумал, что с Рыбиным теперь все: пароль будет сообщать, пусть жестом, с подстраховкой... Ну, чудак! А вообще он прав. К жесту не подкопаешься... Затем как-то незаметно мысли перекинулись на ту рыженькую, приходившую к их части менять табак и козье молоко на хлеб и сахар. Он не солгал Колотушкину, она в самом деле не знала его имени, но разговор между ними уже состоялся.

Сережа спросил девушку, а нет ли у нее папирос. Она ответила, что по талонам папирос не дают, только табак, но что у ее мамы, кажется, еще с мирного времени сохранилась пачка «Казбека».

— Всего одна?— спросил Сережа.

— Одна... Но большая, там сто штук. Знаете, до войны были такие длинные-длинные коробки?

— Очень хорошо. Это как раз мне и нужно... Я за сколько угодно возьму.

— Вы только «Казбек» курите?— усмехнулась она.

— Нет. Я вообще-то курю, но редко. И мне все равно что курить. Это я не для себя.

Девушка помолчала, потом, бросив взгляд искоса, проговорила:

— Я вам советую зайти самому к моей маме. Мне она эту коробку точно не доверит. Она уже ее целый год бережет. Но у вас есть шанс...

— Какой? Почему вы так думаете?

Снова усмешка.

— По-моему, она вас знает.

— Как? Откуда?!— удивился Сережа.

— Это вы у самой мамы спросите.

Сережа обещал зайти, но все как-то стеснялся. Две недельные пайки сахара, впрочем, отложил. А между тем день, в который ему непременно нужна была эта коробка «Казбека», приближался.

...Машина вдруг круто свернула куда-то в сторону так, что Сережу отбросило к борту. Он приподнялся, оглядываясь по сторонам. Что такое? Какие-то хибары, за ними лес — местность незнакомая. Он заколотил кулаком по крыше кабины. Но машина остановилась не сразу. Сергей выпрыгнул из кузова.

— Куда вы едете?— вскричал он, подбегая к шоферу.

— Все, парень, приехали,— мрачно усмехнулся водитель, вылезая из кабины.

— Но вы же в город сказали!

— Вот утречком и махнем... Завернули к знакомым — бензин вышел!

Сережа бросился в сторону шоссе. На всякий случай расстегнул кобуру... А вдруг диверсант?! Вскоре вышел на Парголовскую гору. Отсюда днем был виден Ленинград, как с Вороньей горы под Дудергофом. Но там теперь немцы. Шоссе вело вниз. Было совершенно безлюдно и тихо. Ни одна машина не обогнала его. Да и обогнала б, какой толк,— все равно не остановится. Это запрещено. Через час он подошел к знакомому кладбищу, но уже с другой стороны — восточной.

— ...Ты помнишь, как совсем маленьким приезжал сюда с бабушкой на могилу деда?

— Еще бы! Дедушку я никогда не видел и не мог его жалеть... Но с бабушкой было всегда интересно, она много рассказывала о нем, о себе, как она была маленькой. Она сидела на скамеечке у могилы, а я играл. Как кончится война, бабушка вернется из эвакуации, мы снова приедем сюда с ней. Это я уже задумал и привезу ее сюда непременно.

— Конечно, Сережа.

— И все будет, как прежде, как до войны?

— Как прежде уже не будет.

— Да,— соглашается он.— Даже если все будет как раньше, а папы не будет — что тогда?

Это трудно себе представить — дом без папы. Но, может, все-таки?.. Все бывает. Одним даже прислали извещение, а потом вдруг письмо. Перепутали что-то...

Я молчу. В пятнадцать лет хочется верить и в невозможное, и гонишь прочь от себя грустные мысли. Вот кончится война — и все пойдет по-старому, по-хорошему.

— Сережа, ты не представляешь, какой ты счастливый сейчас.

— Как? Сейчас?

— Вот именно, сейчас. А впереди у тебя такое огромное счастье...

— Когда война кончится?

— Я хочу сказать, что потом ты с грустью вспомнишь это время.

— Почему? Вы же сами говорите, что все еще впереди.

— Вот это и прекрасно, когда все еще впереди. Ты помнишь, какой скоро день?

— Да!

— И все. И довольно.

— Стой, кто идет?— слышится знакомый покряхтывающий голос Ловейки.

— Это я, Иван Сергеевич,— отвечает мальчик.

— О, Аника-воин!— добродушно и радостно восклицает Ловейко.— Ну, садись, покурим! Замерз я, брат, к утру подморозило.

— Не, я устал... Пойду спать.

— Сережа, да я в твои годы!.. Ночами мог не спать. Это я сейчас дряхлый, мне сорок семь, Сережа, сорок семь! Ужас... Да еще ранение меня подкосило, нестроевой стал... Да голодуха первой блокадной зимы... А мог бы спокойно сидеть где-нибудь на Урале. У меня же бронь была. Понимаешь — бронь! Меня никто не призывал в армию... И не могли призвать — я был главный технолог завода. Директор завода Чернышев, депутат Верховного Совета, узнал — ахнул: «Как же это, Иван Сергеевич? Кто же поведет основные изделия?» Выпили на прощание с ним. Пошел добровольцем я в ополчение. А в ополчении, там, Сереженька, все рядовыми были. И крупные специалисты и ученые, доктора наук, и даже один член-корреспондент академии был... Мы и держали Пулковские высоты. После перекинули на Дубровку. Там меня и шарахнуло... Но я не жалею. Нет! Солдат, запомни,— это самый первый человек в армии!

— А полковник?— улыбаясь, спросил Сережа.

— Полковник — это тоже солдат. Так что мы еще повоюем, Сережа. А?— Ловейко рассмеялся.— Эх ты, Аника-воин,— заключил он, обнимая мальчика.

Сережа кивал, слушая уже знакомую историю. Генка Колотушкин, как на посту,— тот все про своих баб рассказывает, а Ловейко — про то, как пошел в армию, почему он рядовой, а не офицер.

Наконец Сережа добирается до казармы, отыскивает в темноте свою койку и, не замечая ни храпа, ни острого запаха потных портянок, сушившихся у печурки, мгновенно засыпает.

IV

Что-то готовилось. Под навесом, где стоял спецтранспорт, распоряжался лейтенант Радов. Слышался его громкий молодой голос, отдававший команды: «Колотушкин! Готовьте пятидесятую», «Куренцов и Щербаков, проверьте наличие горючего и смазочных материалов». Щербаков сразу весело отзывается: «Есть, товарищ лейтенант, все полный порядок». А Куренцов хмурится и ворчит вполголоса: «И чего по двадцать раз повторять? Что ж, я себе враг — без бензина поеду? С тридцать первого года имею права... Ученый!» Наверное, лейтенант что-то услышал. И сразу:

— Боец Куренцов! Отставить разговоры. Приказы не обсуждают!

— Я не обсуждаю, товарищ лейтенант.

— Прекратить пререкания!

Но вообще-то Куренцов всегда ворчит. Зато его через день и ставят в ночные наряды. А Щербаков всегда бодрый, довольный, хотя они друзья. И до войны вместе, в одном автопарке работали. Но, если честно сказать, Куренцов хотя и старше Щербакова и права первого класса, а все не то. Щербаков всегда веселый, даже светится. И автобус его блестит. А Куренцов ходит, всегда губы поджав: недоволен. И на машине уже не тот лоск.

Шофер полковника Григорий Быков, открыв капот «эмки», отрабатывал малые обороты. Вот и к нему подскочил лейтенант, стоит, слушает.

— По-моему, у вас троит,— говорит Радов, покачивая головой.

— Ну, где же троит?— вздыхает Григорий Иванович.— Когда б троил, он бы глох на малых оборотах.

— Вот я вам сейчас докажу!

Лейтенант садится в кабину и нажимает на газ. Мотор ревет все сильней и сильней.

— Товарищ лейтенант, мотор разнесете!..

Лейтенант весело улыбается, подмигивает, как бы говоря: ничего, ничего.

— Лейтенант! Подшипники выплавишь!— кричит Быков, забыв о всякой субординации.

Лейтенант, погазовав еще, вылезает из машины и говорит:

— Боец Быков! К вашему сведению, я окончил автодорожный институт. Это во-первых...

Вдруг лейтенант быстро оборачивается и кричит: «Сми-ирна!»— и рапортует:

— Товарищ полковник! Личный состав автовзвода готовит спецтранспорт для выполнения боевого задания.

Командир части кивает и говорит Быкову: «Григорий Иванович, едем!» Но, заметив Сережу, на мгновение задумывается, как бы вспомнив что-то. И спрашивает его:

— Тебе когда-нибудь за рулем сидеть приходилось?

— Как же... Я же мотоцикл вожу, товарищ полковник.

— Нравится?

— Так точно.

— Знаете, что я надумал,— полковник обращается к лейтенанту,— вот кончится война... Что ж, он в школе не учится, надо хоть шоферскому ремеслу его научить. А? Хочешь учиться на шофера? Вот кончится война, выйдешь из армии — кусок хлеба в руках. Это, брат, важно...

— Очень хочу...— говорит Сережа.

— Ну вот...— полковник снова повернулся к комвзвода,— приставьте к нему кого-нибудь из наших водителей. Пусть Песочинский проведет приказом и чтоб через полгода солдат Сережа имел права. Вот только как с возрастом? Шестнадцати еще нет?

— Уже скоро исполнится,— ответил Сережа,— совсем скоро...

Полковник махнул рукой.

— Ничего, пойдет...

— Будет исполнено, товарищ полковник,— гаркнул лейтенант Радов.

Полковник сел в «эмку» — Быков уже был наготове — и уехал.

Сереже с двадцати одного часа нужно было заступать на дежурство — связным при штабе. До ужина он был совершенно свободен и решил зайти в дом у озера. Это было совсем рядом, и никаких увольнений не требовалось. Старинный двухэтажный дом стоял на берегу, за глухим забором; на калитке еще сохранилась выцветшая довоенная надпись: «Осторожно. Злая собака». Но во всей округе после первой блокадной зимы не осталось ни одной собаки, ни кошки. Последний раз Сережа видел двух маленьких собачек-пинчеров в декабре сорок первого. На тоненьких цыплячьих ножках, худые, что ребра торчали, они, качаясь, шли на поводках, которые держала в руке закутанная в платок старуха,— это было у профессорского корпуса в саду Политехнического института. Мама сказала: «Боже мой, тут люди валятся от голода, а она собак держит»,— но затем, вглядевшись в лицо старухи, добавила: «Она сама — дистрофик последней степени». Едва передвигая ноги, хозяйка с пинчерами скрылась в парадном.

...Сережа отворил калитку, взошел на крыльцо. Постучал. Дом казался вымершим. Потом шаги и голос: «Кто?»

— Мне можно видеть Марину?

Двери отворила она сама. На ней было накинуто старенькое пальто.

— Здравствуйте,— сказал он.

— Проходите... Мамы еще нет, но скоро должна прийти... Давайте руку, я проведу вас, а то здесь шею можно сломать.— И, взяв его за руку, она повела за собой. Они миновали большую темную переднюю, заставленную ломаной мебелью, отсюда вела лестница наверх, на второй этаж. Еще дверь и снова передняя, но здесь уже было теплее. Небольшой коридорчик вел в просторную комнату с темным от копоти потолком. На стенах ее висели картины в золотых деревянных рамках и тарелки с рисунками, стояло большое трюмо до самого потолка.

— Вы не снимайте шинель, у нас холодно,— сказала Марина.

Она развязала платок, расстегнула пальто и села за стол. И Сережа не мог понять, красивая она или нет. Глаза большие, лицо худенькое, но уже не такое, как у дистрофиков. Почти вполне нормальное, но бледное, а ростом с него, может, чуть поменьше, да нет, не меньше. Лицо будто серьезное, а в глазах насмешка.

Сережа искоса бросает взгляд в зеркало и поправляет воротничок. Надо что-то говорить...

— Летом, наверное, у вас хорошо. Купаться можно каждый день по нескольку раз,— сказал Сережа.

— Мы здесь, у дома, не купались... Тина, железо ржавое, кошки дохлые,— улыбнулась она.

Стемнело. Марина зажгла коптилку.

— А вы ходите в школу?— спросил Сережа.

— Нет... Здесь, в нашем районе, еще не работает, надо в город ездить, а мама боится обстрелов... Скоро у нас откроется, буду ходить в девятый класс. У нас школа закрылась в октяб-

ре сорок первого — забрали под госпиталь. А у вас?

— Мы до ноября занимались. Да какие уж были занятия? Наша учительница, Клавдия Степановна, внушала нам, что если не думать о еде, то и не чувствуешь голода. Мы дежурили на крыше школы. Сбросили две зажигалки,— заметил Сережа,— а потом начались морозы... Сами знаете...

Она вдруг внимательно взглянула на него и спросила, давно ли он в армии.

— Уже полгода... Но сюда нашу часть недавно перевели.

— У вас есть такой странный офицер, по-моему, военврач. Он меня все допытывал: «Скажите, а это действительно козье молоко?» — Марина рассмеялась.— Я говорю: «Не знаю, может, с верблюжьим перепутала. У нас еще верблюд есть». Обиделся. Да и коза-то не наша, а верхней соседки, Ольги Петровны... Ей трудно ходить, она и просит меня.

Вскоре пришла мама с кастрюлей в авоське и той интеллигентной повадкой, какую имеют машинистки с большим стажем или бухгалтерские работники. Она сняла пальто с кроличьим воротником, прошла на кухню, вернулась, словно Сережи вовсе не было. Потом остановилась, улыбнулась и сказала:

— Сумерничаете? Мариночка, так это тот самый мальчик... Отчего ты меня не знакомишь?

— Мама! — с укоризной сказала девушка.

— А что? Я сказала что-то плохое? Ладно, перейдем к делу. Значит, вам надо папиросы? Курите уже?

— Да... Но нам дают табак, мне все равно. А моя мама курит только папиросы.

— Значит, вы для мамы...

Она достала из комода блок «Казбека».

— Не знаю, как уцелели... Уберегла... Годится?

— Да! «Казбек»—это же хорошие папиросы.

— Шикарные! Сейчас их вовсе нигде нет. По талонам дают эрзац, иногда «Звездочку»... Теперь вопрос о цене. У вас только хлеб? Или сахару можете хоть немножечко?.. Мариночку подкрепить...

— Мама! — вскрикнула Марина, краснея.

— А я все правильно говорю. Молодой человек меня хорошо понимает. Ты худенькая... Тебе надо сахар. Не только сахар, а я уж о другом не говорю.

Марина сидела, опустив глаза.

— Вообще-то сахару я могу. У меня есть немного.

— Ну, сколько «немного»?

— Наверное, с полкило. Я не вешал.

— Хорошо. Я на большее не претендую. И хлеба, да?

— Хлеба я могу много... Нам пятьсот грамм в день дают. У меня даже теперь остается. Только сухой он...

— Это еще лучше! Много — сколько это, по-вашему?

— С килограмм... Там у меня даже больше скопилось.

— Пожалуйста! — Хозяйка подала Сереже огромную пачку «Казбека».

— Но у меня с собой нет ничего,— сказал он.

— Занесете! Мне же не срочно. Ну... Завтра, послезавтра... Вспомните и занесете. Вы ведь до войны на Поклонной жили?

— Да! Откуда вы знаете?

— А вы — внук Елизаветы Федоровны... Я вас видела не раз с ней. Еще совсем маленьким. А тут как-то проходила мимо вашей части, вы на посту стояли, и сразу узнала. Я ведь еще дедушку вашего знала... Впрочем, его все знали. И в вас что-то есть от него.

Таинственность рассеялась. Все было обыкновенно и просто.

— Мариночка! Андреенко объявил растительное масло. Ты не выкупила? — обратилась она к дочери.

— Выкупила...

— Ну, какая молодчина! Она у меня хозяйственная...

— Мама! Ну, что ты меня расхваливаешь...

Сережа взял блок «Казбека» и стал прощаться.

...Марина проводила его до калитки, молча кивнула и пошла назад к дому.

Продолжение следует.

НРАВСТВЕНН

Н. ЛЕЙКИН

Повышенное внимание, жадный интерес театральной аудитории к теме морали, нравственных исканий современника естественны и закономерны. Любовь с ее радостями и печалями, встречами и разлуками, семья с великим множеством ее самых разнообразных проблем, люди добрые и недобрые, хорошие и дурные, а зачастую не подходящие под какое-либо однозначное определение,— ведь все это жизнь, которая окружает нас и которая всегда была, есть и будет первейшим предметом искусства сцены.

Важно только, чтобы картины жизни на театральных подмостках представали в своей истинной, а не надуманной, искусственно сконструированной сложности, чтобы прихотливость и неожиданность подлинных жизненных коллизий не подменялись на сцене мнимо глубокомысленными ребусами. Тогда-то и загорается та кровно необходимая театру **эмоциональная** зрительская отзывчивость, без которой он просто не существует и которая неизменно приводит к активной и плодотворной работе мысли.

Когда драматургия и театр, не мудрствуя лукаво, обеспечивают все это, безыскусственный зрительский интерес к происходящему на сцене сам по себе, самим фактом своего возникновения и существования придает, казалось бы, сугубо частным человеческим судьбам, сугубо индивидуальным, даже интимным переживаниям и побуждениям значимость общественную. Разумеется, происходит это лишь в том случае, если герои пьес и спектаклей вбирают в себя, отражают собой время, его нравственные идеалы, его утверждения и отрицания.

Целый ряд спектаклей нынешнего театрального сезона на московских сценах предоставляет зрителю возможность пристально, раздумчиво вглядеться в так называемую частную жизнь современного человека. Она, эта частная жизнь, конечно же, неотрывна от его трудовой деятельности. Просто коллизии спектаклей, о которых пойдет речь, находятся не в сфере производственной, а в сфере морально-этической.

Давайте же посмотрим, чем и как живут, чем дышат, к чему стремятся герои пьес А. Салынского «Долгожданный» и Э. Володарского «Уходя, оглянись», получивших сценическое воплощение соответственно в Театре имени Вл. Маяковского и в Художественном театре. Причем надо заранее оговорить: спектакли эти разнятся — и по своему жизненному содержанию, по своим сюжетам и по уровню своей драматургической зрелости. Их объединение целесообразно в плане тематическом. Именно тема морали, нравственных исканий образует в каждом из них незримое силовое поле между сценой и зрительным залом.

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО...

Да, это строка из стихотворения К. Симонова «Жди меня...». Ее, а может быть, даже все знаменитое стихотворение целиком хочется поставить эпиграфом к пьесе А. Салынского «Долгожданный» и к поставленному по ней А. Гончаровым и О. Ремезом в Театре имени Вл. Маяковского спектаклю. Написанный в грозном 1941-м гимн всепобеждающей женской любви и верности неостуженно и проникновенно проецируется сегодня на историю Нины Родионовны и Якова Петровича Мытниковых, которых разлучила война и которые встретились через двадцать лет после ее окончания. Драматург точно обозначил время действия своей пьесы.

С. Немоляева и А. Шворин в «Долгожданном». Фото М. Строкова

Невероятно? Пожалуй, с точки зрения так называемого здравого смысла. Но есть, к счастью, нечто большее в жизни человека. А именно его надежда и вера. Надежда на лучшее. Вера — истовая, страстная, непоколебимая — в то, что кому-то порой кажется невозможным и несбыточным. Такой верой, такой надеждой жили все долгие двадцать лет Нина и Яков Мытниковы. Она — растила сыновей, работая и все время ожидая того, кто смотрел на нее с портрета на стене, в армейском, перекрещенном ремнями полушубке и ушанке со звездой. Он — стойко и яростно преодолевая мучения и мытарства во вражеских застенках на чужбине и все время стремясь, пробиваясь на Родину, к семье, к любимой. И еще к тому заветному месту в лесу на Смоленщине, где он в жестоком, неравном бою спрятал пробитое пулями, обагренное кровью знамя части, чтобы не досталось оно ненавистному врагу.

Яков Мытников найдет, принесет это бесценное знамя, покажет его жене и сыновьям. И оно, истлевшее, побуревшее, изорванное, но по-прежнему живое, трепетное, словно излучающее красный цвет победы и героики, как бы осенит собой любовь, семью Мытниковых, ставя все точки над «i», счастливо завершая историю долгожданного.

Вот об этом, собственно, пьеса и спектакль «Долгожданный». Спектакль, в котором есть пленительная в своей душевной красоте, в своей тонкой, мягкой женственности, прекрасная в своей нерушимой любви и верности Нина — С. Немоляева. Есть сильный, мужественный, сурово-сдержанный, еще не отошедший от замкнутости, выработанной годами тяжких испытаний, Яков — А. Шворин. Их дуэты подарят нам дорогие минуты горячего сочувствия, волнующего сопереживания — и в ликующем, потрясенном торжестве их встречи и в напряжении последовавших за ней новых тревог, забот, ожиданий.

Каждый по-своему участвует в истории возвращения долгожданного, обрамляя ее множеством жизненных оттенков, связей, проблем. Мудрый, деликатный, чуть лукавый,

ЫЕ УРОКИ ЖИЗНИ

смотрящий на все с высоты своего жизненного опыта отец Нины Стеблов (Б. Тенин). Такие разные, такие непохожие друг на друга сыновья Мытниковых: старший — твердо определившийся в своем военном призвании, целеустремленный, организованный, спокойный Петр (А. Фатюшин) и младший — еще по-юношески не устоявшийся, задиристый, мечущийся, но постепенно под влиянием вернувшегося отца начинающий переход в иное нравственное качество Владик (И. Костолевский). Говорливая, разбитная, немного бесшабашная и бесцеремонная в своей грубоватой, бесхитростной прямоте лифтерша тетя Клава (Т. Карпова). Близкая Нине Родионовне по своим нравственным принципам, по своим душевным движениям, хотя и живущая мерками иного, более молодого поколения, невеста Владика — художница Лека (И. Резникова).

А вот что за человек сослуживец и подчиненный Стеблова, друг дома Александр Степанович Чередняк, сыгранный И. Охлупиным? Тихий, рассудительный, ко всем внимательный, он давно чутко и умело ухаживает за Ниной Родионовной, терпеливо, упорно добиваясь ее расположения. В драматургии А. Салынского подлинный, то есть внутренний, облик, сущность человека определяются отнюдь не его внешним поведением, не теми поверхностными признаками, по которым можно первоначально представить расстановку сил и конфликтов. И в «Долгожданном» остросюжетная линия, связанная с возвращением Якова Мытникова, развивается прежде всего в нравственной плоскости, преломляясь в характерах героев. Моральная основа определяет их истинную человеческую ценность, со всей очевидностью выявляя в конечном счете, кто есть кто. И милейший, обходительный, вроде бы чуткий и преданно любящий Чередняк на поверку оказывается расчетливым эгоистом, не слишком чистоплотным в достижении своих личных и служебно-карьеристских целей.

Жизнь сложна, порой запутанна, но в ней неизбежно торжествуют долг, любовь, верность, честь, совесть, справедливость, говорят своим спектаклем драматург и театр. Серьезная, осторожная, погруженная в мысли, в психологическую атмосферу пьесы режиссура А. Гончарова и О. Ремеза и направлена на то, чтобы раскрыть, передать эту жизненную сложность и закономерность.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА МИНУВШЕЕ

Жизнь главных героев пьесы Э. Володарского «Уходя, оглянись» тоже опалена войной. И оттого, верно, как-то особенно остро ощутима связь их личных судеб с судьбами всего народа.

Пролог и эпилог пьесы приближены к нашим дням. Сносится старый дом. Все его прежние обитатели уже перебрались из тесноты «коммуналок» в новые благоустроенные и просторные квартиры. И один из этих обитателей приходит к доживающим последние часы стенам, где прошло его детство. Приходит, чтобы мысленно оглянуться на минувшее. Здесь нет сентиментального сожаления об уходящем, отжившем быте общей квартиры. Жалеть, собственно, нечего. А вот вспомнить пережитое, вынести из него нравственные уроки полезно.

Эти уроки — в судьбах жильцов одной квартиры, в их чувствах, в их поведении, которые автор воспроизводит в пределах первого послевоенного десятилетия. Примерно с 1947 по 1957 год происходит основное действие пьесы, заключенное между прологом и эпилогом, воспринимающимися не более чем испытанный драматургический прием.

В общем же в отличие от «Долгожданного» пьеса «Уходя, оглянись» не обладает необходимой драматургической целостностью и законченностью. Это всего лишь отдельные человеческие, житейские зарисовки, не объединенные стройным сюжетом, хотя есть среди них образы и ситуации, выписанные очень достоверно, по-человечески ярко, что, надо полагать, и привлекло к пьесе Э. Володарского Художественный театр. Его основополагающее стремление и умение психологически и гражданственно глубоко проникать в «жизнь человеческого духа» позволило создать спектакль интересный, берущий зрителя за живое, а моментами обжигающий неподдельной правдой чувств и характеров (постановка и режиссура Е. Радомысленского, руководитель постановки О. Ефремов).

В первую очередь и главным образом это связано с семьей Любови Крохиной, которую поистине пронзительно играет И. Мирошниченко. Убит на войне муж. На руках двое мальчишек-сорванцов (очень хороши и поразительно органичны во взрослом спектакле 11-летний Витька — Миша Ефремов и 15-летний Борька — Юра Зеленин), а главное — старая «бабаня» Варвара Антоновна в исполнении А. П. Зуевой.

Топит Люба свое горе в труде, в больших и малых, в личных и общественных заботах, вытягивая семью, ставя на ноги ребят, не жалуясь на судьбу, не унывая, сберегая в себе природную доброту и сердечную отзывчивость. А если и пригорюнится порой, то ненадолго, если сорвется на сынов или на соседей в кухне, то без ожесточения. И вошедшего в ее жизнь скромного, работящего Федора Ивановича (А. Калягин) принимает Люба естественно и достойно.

Любуешься, восхищаешься и этой Любой и «бабаней» Варварой Антоновной, сохраняющей — перебарывая старческую немощность — и силу духа, и всепонимающую прозорливость, и посильную участливую активность в семейных делах. Представительницы разных мхатовских актерских поколений, И. Мирошниченко и А. Зуева вдохновенно лепят многозначные, полнокровные образы славных, простых русских советских женщин. Молодая и старая, обе они — с теплой ли улыбчивостью, с волевой ли, бескомпромиссной твердостью — буквально светятся изнутри той высокой нравственностью, тем неизбывным жизнелюбием, что составляют настоящую народную основу этих чудесных женских образов.

Менее разработаны драматургом, будто пунктиром намечены, образы крохинских соседей по квартире. Режиссура и актеры делают все возможное, чтобы придать им более полное жизненное содержание, сгладить самобытной человеческой конкретностью эскизную незавершенность их биографий и тем самым четче прочертить сверхзадачу каждого в общем замысле спектакля. Внимательно, заинтересованно относится к окружающим его людям врач Сергей Андреевич (Н. Пеньков), целеустремленно отдающий каждую свободную минуту работе над книгой о военной действительности. Резкую, незатухающую память и боль войны несет в себе фронтовик-инвалид Степан Егорыч (Г. Кочкожаров) с его хмельной неприкаянностью мужского одиночества, с его давним, трудным, так и не получающим счастливого разрешения, но целительным чувством к Любе.

Своеобразной антитезой семье Крохиных логически выглядит в спектакле семья ресторанного музыканта Игоря Васильевича (А. Семенов). Весь сосредоточенный на себе самом, ставящий превыше всего шкурный интерес, обуреваемый страстью к накопительству, он не замечает, как обездоливает, опустошает и свою собственную жизнь и жизнь жены и дочери. Но настанет час, когда прозревшая Нина Аркадьевна (К. Минина) выплеснет в отчаянном крике в лицо мужу всю свою накопившуюся ненависть и к нему и к его деньгам и сервизам...

Нет, пожалуй, не зря драматург и театр пригласили нас оглянуться вместе с одним из героев на прожитые годы, вглядеться в целую галерею различных людских судеб. Отсутствие композиционной цельности, конфликтного единства в воссозданных на сцене картинах жизни Художественный театр восполнил всегда дорогой и нужной зрителю правдой живых характеров своего спектакля. Они сообщают ему общий отчетливый гуманистический пафос. Пафос антимещанства, антистяжательства, антилжи. Пафос страстного утверждения душевной щедрости и благородства, активной доброты и не требующей наград самоотверженности.

...Два спектакля. Еще раз они убедительно показывают: напряжение того невидимого силового поля, что объединяет сцену и зрительный зал, впрямую зависит от искренности и достоверности, силы и глубины мыслей и чувств героев, воплощаемых на театральных подмостках. И чем такое напряжение выше, тем действеннее влияет театр на духовный мир современника, способствуя его формированию, его нравственному воспитанию.

Сцена из спектакля «Уходя, оглянись».

Фото И. Александрова

адреса великих свершений

«БОЛЕЕ 80 ПРОЦЕНТОВ ПРОДУКЦИИ СО ЗНАКОМ КАЧЕСТВА ВЫПУСКАЕТ БАКИНСКИЙ ЗАВОД «АЗЭЛЕКТРОСВЕТ»...»

Из речи товарища Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 25 октября 1976 года.

ЗАПОМНИТЕ МАРКУ: «АЭС»!

Б. СМИРНОВ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Пусть простят своего гостя радушные жители столицы Азербайджана, но номер 719 гостиницы «Баку» произвел на меня плохое впечатление. Точнее, я не смог его как следует разглядеть. Днем в гостинице не бываешь, а вечером при свете единственной лампы дневного света номер казался мрачным и неуютным. Второй светильник вообще не включался или горел с таким воем, что лучше уж было сидеть в темноте. И это при том, что в Баку я приехал писать о высоком качестве люминесцентных ламп!

В первый же день в объединении «Азэлектросвет» я рассказал, конечно, о своих гостиничных неприятностях. Но меня заверили, что лампа здесь скорее всего ни при чем. Неисправность надо искать в других узлах светильника, например, мог отказать дроссель. И тут оказалось, что найти виновного, если бы я того и захотел, сложно: лампу выпускает одно предприятие, дроссель может оказаться из партии, сделанной в другой республике, а сборка всего светильника производится в Москве, Саранске, Ереване — в общем, заводов-смежников не счесть. Это, наверное, разумная система, но есть в ней своя особенность: качество изделия гарантировать трудно. Лампа изготовлена отлично, а дроссель никудышный — что можно требовать от светильника? Качество — понятие комплексное, забота о нем необходима во всех звеньях производства, и резервы повышения качества продукции велики — именно об этом шел разговор на октябрьском (1976 года) Пленуме ЦК КПСС. В речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева были названы лучшие коллективы, дающие продукцию без брака, среди них — бакинский завод «Азэлектросвет». И так уж совпало, что, не успев разобраться в делах предприятия, я на примере гостиничного светильника еще раз убедился в сложности и хрупкости этого понятия — качество...

Было время, не такое уж давнее, когда бакинские лампы считались едва ли не худшими в стране. Впрочем, вина за то частично ложится на само время, потому что в те годы производство люминесцентных ламп у нас было развито незначительно. Завод в Баку начинали возводить как предприятие по ремонту сельхозмашин, но тут пришло решение: освоить в республике люминофоры. И наполовину готовые коробки корпусов стали подгоняться под совершенно иную «начинку».

— Я пришел сюда, когда завод еще строился, — рассказывает Илхам Шамильевич Гаджиев, исполнявший в те дни обязанности заболевшего генерального директора объединения «Азэлектросвет» Ф. В. Азизова. — Специалистов этой отрасли в Азербайджане не было, и многим, в том числе и мне, пришлось переквалифицироваться. Оборудование поступало в основном заграничное, а у многих наших наладчиков не было даже среднего технического образования. В то время в стране строилось сразу несколько таких заводов, как наш,— в Саранске, Полтаве, Ереване,— так что опыт создания технической, научной и производственной базы приходилось накапливать самостоятельно...

— Так ли велика была нужда в лампах дневного света? Ведь привычные лампочки накаливания тоже неплохо работают...

— Что вы, люминесцентные лампы очень выгодны! Намного дольше служат — раз, экономят электроэнергию — два, дают более естественное освещение — три...

Гаджиев говорил о заводах, домах и улицах, залитых светом люминесцентных ламп, и вопросов о необходимости этой продукции у меня больше не возникало. Удивляло другое — насколько сложно, оказывается, их делать! Казалось бы, чего проще — стеклянная колба, контактные штыри на концах... А собеседник рассказывает мне о разнообразных физических, химических проблемах, которые пришлось решать производству, перечисляет десятки сложнейших технических операций — от обработки сырья до выпуска ламп. И в каждом звене технологической цепочки таится возможность брака.

— Начинали мы, что и говорить, плохо, — продолжает Гаджиев, — первые десять лет завод лихорадило, цеха были завалены браком. Особенно неудачно работали в прошлой пятилетке: в семьдесят первом и семьдесят втором годах не выполнили заданий... Постоянно ломалось оборудование — сменные простои достигали шестидесяти тысяч часов в год. Перерасходовалось дефицитное сырье — вольфрам, селитра, молибден. Чтобы конвейер не останавливать, мы были вынуждены заказывать спецрейсы самолетов в другие города за сырьем.

— А сейчас?

— Сейчас от того же дефицита мы иногда отказываемся! По обязательствам один день каждого месяца работаем на сэкономленном сырье...

Этот диапазон — от дня вчерашнего ко дню сегодняшнему — стал главной темой нашего разговора. В самом деле, за несколько лет на заводе произошли разительные перемены! Работа стала ритмичной, брак прекратился, почти вся продукция удостоилась Знака качества. Что же произошло? Свершилась научно-техническая революция, переродился коллектив?

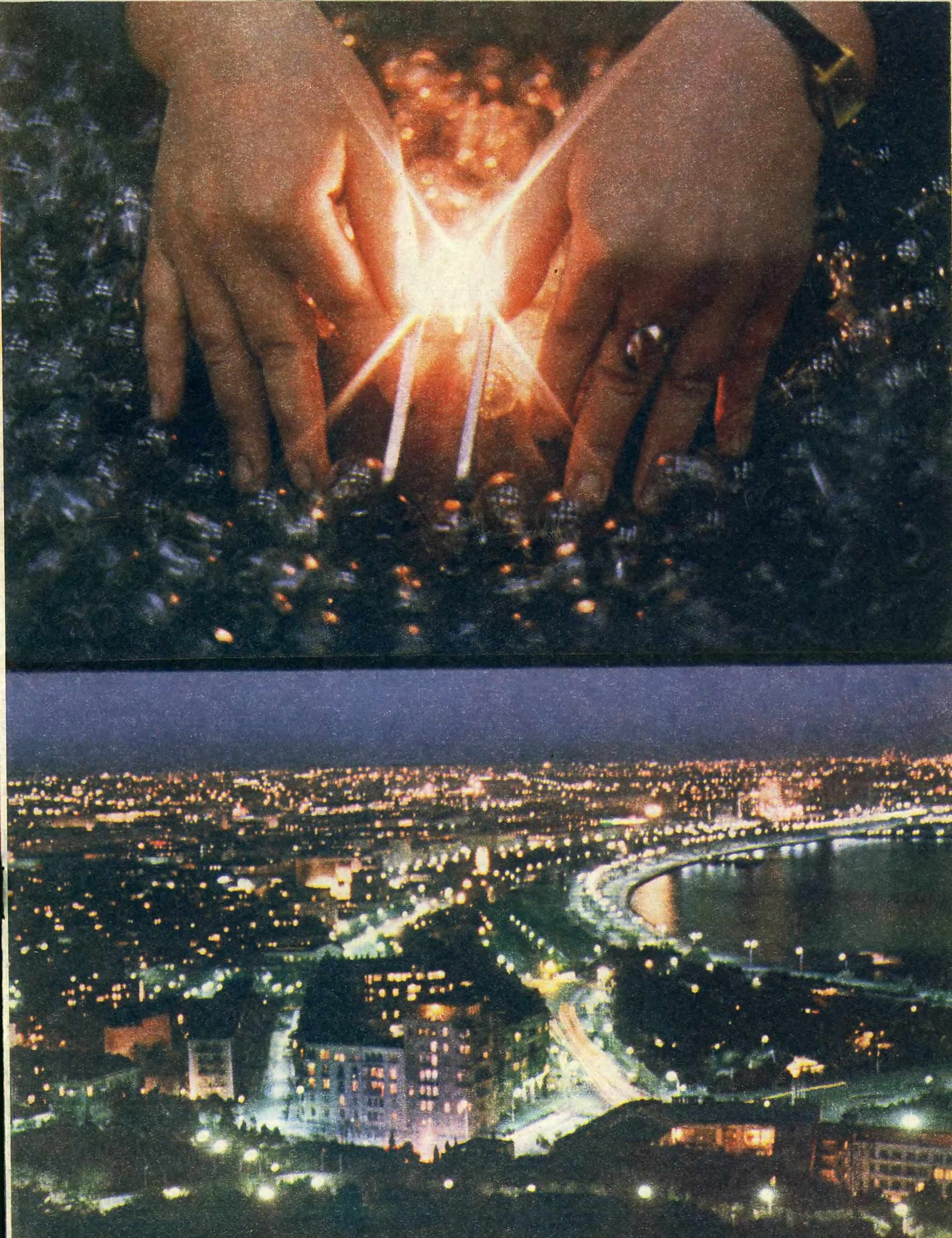
— Давайте пройдем по цехам,— предлагает Гаджиев, — увидим все на деле...

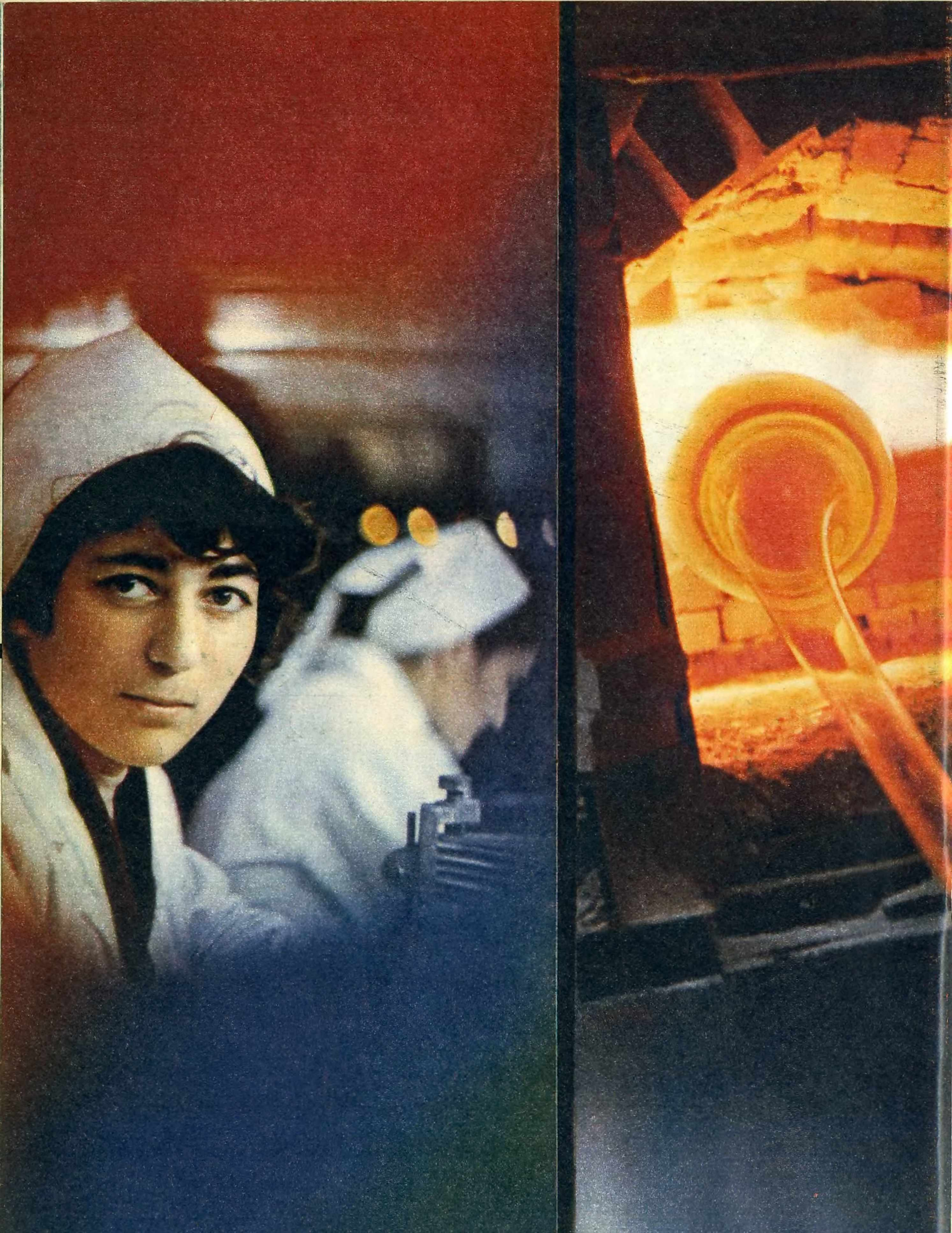
Завод выпускает люминесцентные лампы нескольких видов и автомобильные лампочки. Он не поражает своими размерами — это компактное, сконцентрированное в нескольких цехах предприятие. Но каждый метр, каждый уголок площади использован рационально, продуманно. Впечатление такое, что вокруг огненные карусели: это автоматы разогревают, паяют и сваривают тонкое стекло колб и металлические цоколи. По иным цехам просто трудно идти, то и дело дорогу преграждают конвейеры, поточные линии, механические захваты несут по воздуху стеклянные трубки или вращают их, словно в цирке... Подобные картины можно, конечно, увидеть и на других аналогичных предприятиях, и надо быть специалистом, чтобы различить в этом механическом царстве какие-то особенности; но я заметил, например, что в ящиках для отходов, стоящих у станков, почти нет бра-

■

«Азэлектросвет»: от маленькой лампы до рукотворных огней столицы Азербайджана.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Зумруд Рзаева работает в цехе автоламп. ✻ Стекло рождается в пламени. ✻ Испытатели люминесцентных ламп А. Широкова, М. Юсубов и С. Мамедова.

кованных деталей. И на полу, под ногами, нигде не попадаются осколки, хотя бить здесь стекло можно было бы, как говорится, на каждом шагу. Для качества работы все это, видимо, немалый показатель.

— Значит, ваш «секрет» в высоком уровне механизации?

— Это скорее не причина, а следствие успеха,— объясняет Гаджиев.— Изменения произошли с того момента, как в объединении появился новый генеральный директор — Фикрет Вагидович Азизов. Но перелом начался не сразу, не вдруг...

Наверное, на эту тему можно написать роман или поставить многосерийный кинофильм: отстающее предприятие за короткий срок превращается в передовое. Но, боюсь, героем такого произведения должен был бы стать... весь завод. И даже шире — само наше время, всеобщее сознание того, что прежний метод работы «внавал за счет качества» уходит в прошлое.

Бакинцы начали с кадров, с подбора людей. Приглашали на ответственные посты знающих молодых специалистов, а своих технических работников посылали за опытом на другие предприятия, направляли учиться. Мне называли десятки имен тех, кто начинал на заводе простым рабочим и уже сейчас стал мастером, бригадиром, инженером. Немало было экспериментов — кого на какое место поставить, и не по одному разу, прежде чем «служебная лестница» от вахтера до директора стала ровной и надежной. Просто говорить, а сколько сил ушло на эту перестройку! Всюду возникали проблемы. Например, чтобы не уходили опытные наладчики, им улучшали условия работы, устанавливалась гарантированная зарплата. Зато потом появилась уверенность: машины теперь всегда в надежных руках...

Качество продукции было, если можно так сказать, конечной целью усилий предприятия, но подбирались к нему осторожно: сначала попробовали было ввести у себя верный в принципе саратовский метод бездефектного производства, но оказалось—рано, условия пока не те. Тогда решили разработать твердое положение о премиях: перевыполнил норму — на торжественном собрании тебе вручают награду, поздравляют, благодарят. Речь шла только о количестве продукции, но постепенно, когда дела с планом пошли лучше, в условия социалистического соревнования стали вводиться новые условия: снизить брак, добиться экономии материалов. Мне показали график — ломаная линия «премия за качество» год от года ползет вверх, линия «премия за количество» резко снижается.

— Что надо выделить: мы начинали с небольших, но реальных цифр, не старались прыгать выше головы,— продолжал Илхам Шамилевич. — Сначала было, как всегда, много брака, а как его уменьшить? Не разговорами же... Создали группы анализа дефектов, выясняли причины, искали способы устранения. Каждый день начинали двадцатиминутный диспетчерским совещанием только по браку. Вскоре мы увидели как на ладони все свои «больные» места. Помню, месяц бились, не могли понять, почему в том месте, где к колбе приваривается цоколь, образуются микротрещины. Оказалось, от сотрясения, когда заготовка сбрасывалась в ящик. Построили специальный конвейер, избавили колбы от удара, и трещины исчезли.

— Видимо, проблему качества решает полная механизация?

— Нет, ее решают люди! Машины, конечно, необходимы, но сами по себе они работать не будут. Любой совершенной технике нужны наладчики, ремонтники, операторы — короче, люди, их руки. А техника служит лишь дополнением к этим рукам. Мы, например, одно время выделяли на каждую операцию по наблюдателю. Внешне непроизводительно получается: стоит инженер у машины и считает, сколько там трещинок образуется, сколько спиралек рвется. Зато в результате машины были усовершенствованы так, что брак почти исчез.

...В цехе стартеров бригадир слесарей Асланик Тонян показал мне, как раньше приходилось фиксировать на цоколе контактные штыри — взял молоток и сильным ударом что-то закрепил на хрупкой конструкции. А потом подвел к установке:

— Теперь ударять не надо. Мы поставили автомат, который этот узел припаивает.

— Настоящее инженерное решение! Вы что, изобретатель?

— На завод я пришел простым монтером, — улыбнулся Тонян, — но здесь «простым» быть нельзя, здесь надо все время думать...

«Думающее предприятие» — так и называл я про себя «Азэлектросвет».

— Можно было бы насчитать не один десяток направлений, по которым мы развивали свою деятельность в эти годы, — подытожил разговор секретарь партийной организации Фаиг Заидович Исламов. — Это рабочая инициатива, контроль, меры поощрения, техническое перевооружение, забота об отдыхе и многое другое. Радостно видеть, как эти направления, развиваясь, слились в одну прямую дорогу всеобщего прогресса производства. Мы уже забыли, что такое прогулы, опоздания, нарушения дисциплины. И в тех, скажем, случаях, когда жизнь диктует — нужен детский сад, новые дома для рабочих, — руководство объединения не переводит эти вопросы в разряд второстепенных дел: требуя от людей полной отдачи, мы обязаны обеспечить им все условия для полноценного, достойного, творческого труда.

Эмблема «Азэлектросвета» приметная: буквы «А», «Э» и «С» ловко вписались в кольцо. Мы проходили по складу, где на сотнях коробок с готовой продукцией красовалась эта марка, и мне вспомнились гудящие, мигающие и погасшие лампы, виденные в разных городах. Слава предприятия — надежная вещь, но все-таки... И я спросил у Илхама Шамилевича:

— Сколько у вас было за последние годы рекламаций?

— С семьдесят третьего — ни одной.

■

Контрольный пункт цеха стартеров. ✻ «Летучку» в цехе ведет секретарь партийной организации предприятия Ф. З. Исламов. ✻ От «дневного света» в цехе светло как днем.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ И ЗАКОН»

Так называлось опубликованное в «Огоньке» (№ 28 за 1976 год) выступление председателя Верховного Суда РСФСР А. К. Орлова. В статье говорилось, в частности, о том, что некоторые предприятия Министерства мясной и молочной промышленности РСФСР выпускают недоброкачественную продукцию, нарушая установленные стандарты.

Редакция получила письмо от заместителя министра мясной и молочной промышленности РСФСР В. И. Леонтьева. Министерство рассмотрело приведенные в статье факты выпуска подобной продукции Целинным сырзаводом Курганского объединения, Еланским сырзаводом Волгоградского объединения молочной промышленности и Томским мясокомбинатом. Далее сообщается о мерах, принятых на предприятиях для улучшения качества продукции.

На Целинном сырзаводе провели реконструкцию котельного и компрессорного цехов. В камерах созревания и хранения сыра установлены кондиционеры. Для оказания практической помощи заводу был командирован опытный мастер Ставропольского объединения. Кроме того, на завод направлено девять специалистов с высшим и средним образованием и двадцать четыре выпускника ПТУ.

На Еланском сырзаводе создали условия для раздельной приемки молока первого и второго сортов, усилили контроль за качеством сырья и готовой продукции, за соблюдением технологических и санитарных режимов производства.

На Томском мясокомбинате отремонтировали оборудование и приборы автоматики, улучшили качество подготовки сырья, ввели дополнительный контроль за соблюдением технологических и санитарных режимов производства.

Виновные в выпуске нестандартной продукции директор Еланского сырзавода И. В. Сергиенко и главный инженер завода К. А. Бурлаков освобождены от занимаемой должности. Наказаны в административном порядке генеральный директор Томского объединения мясной промышленности А. Ф. Лобов, его заместители А. А. Лелюхин и Д. М. Афанасьев и главный технолог объединения Н. Ф. Власова.

Вопрос повышения качества выпускаемой продукции был рассмотрен на заседании коллегии министерства.

«ЯМА В ЭФИРЕ»

В «Огоньке» № 31 за 1976 год была опубликована статья С. Калиничева «Яма в эфире», в которой поднимался вопрос о том, что многие жители Киева лишены возможности качественного приема телепередач по всем программам. Но, как свидетельствуют письма читателей, проблема эта актуальна и для других крупных городов. Так, например, ленинградец А. А. Агич сообщает в своем письме, что жители ряда домов на Белградской улице не могут нормально смотреть первую программу, а о цветных телевизорах даже и не мечтают, потому что «к раздвоению личностей на черно-белом экране кое-как привыкли, но расслоение цвета выдержать уже никто не может... Мы с нетерпением ждем ответа на статью официальных компетентных организаций,— пишет он в заключение,— и надеемся, что этот вопрос будет решен».

Редакция получила такие ответы. Вот что сообщает нам и. о. начальника жилуправления исполкома Киевского городского Совета Ю. С. Корнейченко:

«Юридическим заказчиком на проектирование крупных систем коллективного приема телевидения (КСКПТ) в Киеве выступает горжилуправление. В 1976 году оно дало институту «Гипросвязь-3» задание на проектирование и заключило договор на выполнение работ.

После того, как институт определил отдельные здания, на которых предположительно, с точки зрения качества приема телевизионного сигнала, возможна установка антенных систем, потребовалось выполнить измерение по оценке качества телевизионных сигналов на 2-м, 4-м и 9-м каналах и окончательно определить место установки антенны...

В настоящее время, по предварительному сообщению Госплана УССР, имеется согласие Министерства бытового обслуживания УССР выступить техническим заказчиком и провести замеры качества сигналов в зоне плохого приема...

Таким образом, есть практическая возможность приступить к проектированию КСКПТ в Киеве».

Более подробно практические меры рассматриваются в письме главного инженера киевского областного предприятия «Бытрадиотехника» А. И. Куземко:

«Для решения поставленного вопроса необходимо:

Проектирование и строительство крупных систем коллективного приема телевидения (КСКПТ), рассчитанных на подключение от нескольких сот до нескольких тысяч абонентов. Выбор места установки этих систем. Они должны включать в себя: узконаправленные антенны, практически исключающие или сильно ослабляющие возможное попадание на них отраженных сигналов, канальные фильтры, усилители и т. д. Этот вопрос, по нашему мнению, должен решаться в соответствующих министерствах.

Организациям, строящим высотные здания, необходимо согласовывать их месторасположение с проектировщиками КСКПТ и нашим предприятием.

Одновременно с этим силами нашего предприятия проделана и делается в настоящее время определенная работа для улучшения качества приема телевизионного сигнала: мачты антенн поднимаются на большую высоту, антенны переносятся в другое место, их устанавливают на близлежащем (как правило, более высоком) доме, ставят специальные усилители и т. п. Однако эти работы не являются достаточно эффективными, не во всех случаях решается основная задача, поэтому вопрос строительства крупных антенных систем остается первоочередным.

Считаем необходимым создать межведомственную комиссию с участием указанных министерств, Министерства бытового обслуживания, горисполкома и других заинтересованных организаций, которая определила бы, кто действительно обязан выполнять все эти работы, сроки и т. п.».

Редакция согласна, что межведомственная комиссия, видимо, и призвана стать тем организующим органом, который может взять на себя комплексное решение проблемы. Полагаем, что исполком Киевского городского Совета депутатов трудящихся и должен явиться инициатором быстрейшего создания такой межведомственной комиссии.

БЕРЕГ НАДЕ
И ДЕРЗ

Натан **РЫБАК**

Люди, живущие на страницах нового романа Олеся Гончара — «Берег любви», словно бы хорошо нам знакомы, но одновременно мы узнаем в них и, читая о них, много нового. Писатель приобщает нас к своим творческим поискам со щедрой смелостью художника, который вдумчиво чеканит высокий и взволнованный образ советского человека — зодчего нового общества.

Это благородная черта в палитре художника. Она определила безотказную силу влияния предыдущих романов Олеся Гончара. В книге «Берег любви» эта черта получает значительно более глубокое философское осмысление и качественно новое, гуманистическое звучание.

Лишь удерживаться на завоеванном плацдарме не в манере Олеся Гончара. Каждое новое его произведение — новый поиск, новый рывок, и ему сопутствуют новые средства преодоления трудностей, но всегда писатель остается верным жанровым особенностям, властной силе испытанного жанра прозы — романа. «Берег любви» убедительно доказывает, сколь ярка художественная палитра социалистического реализма, какой простор открывает она для новаторских достижений, какими славными стремлениями наполняет она сердца людей.

Кураевка... Село в Таврии. Море, пески, щедрое, жгучее солнце. Высокие звезды. Жажда от зноя. Жажда от желания нового, от неутолимых мечтаний, от ожиданий победы, которая сама не снизойдет к тебе с небес, а за которую ты должен вести борьбу упорно, отважно и каждый раз, если хочешь быть человеком с большой буквы, сверять степень твоего патриотизма по поступкам таких людей, как Савва Чередниченко, Андрон Ягнич...

Кураевка... Маленький лоскуток земли на нашей планете. Точнее, среди просторов нашей Отчизны. Но где еще найдешь, в какой части мира увидишь именно таких, как в Кураевке, людей, с вечно не угасающим пламенем щедрости в душе, готовых отдать все свои самые светлые устремления обществу, делать все для того, чтобы прозрачнее и яснее были пути жизни нашей, чтобы правда всюду и всегда одолевала кривду.

Труженики Кураевки живут стремлениями всей нашей Советской Отчизны. Инна Ягнич — юная медицинская сестра — возвращается в родное село с мыслью, что именно тут ее знания наиболее необходимы. Она едет к людям с открытым сердцем и несет им светлое добро полученных знаний не как подарок, а как свой высокий долг служения одной цели — быть среди людей, быть с людьми.

Парусник «Орион», странствующий по океанам и морям,— символ смелой неодолимости и добрых дерзаний многих поколений, которые воспитывает общество, в котором труд и правда — родные и вечные в своей неодолимости брат и сестра. Революция подняла из недр жизни несколько поколений жителей Кураевки и поставила их в эпицентре планеты. Сила Саввы Чередниченко, Андрона Ягнича, комбайнера Федора Ягнича, его сына Петра, учителя Веременко заключается именно в том, что их труд всегда был и остается частицей великого и величественного процесса дерзаний и свершений всей нашей чудесной Родины. И когда наша Отчизна поднимается на новую ступень — этому причастны и жители Кураевки. Понимают ли они это сами тут, в знойных степях, в водовороте будничных и трудных дней, ощущают ли историческую весомость своих трудов? Ответ на это дан в их поведении, в их мечтах, в бескомпромиссной борьбе с остатками того старого, что цепляется, подобно чертополоху, к тем, кто хотел бы остановиться на достигнутой высоте, ограничить себя сегодняшним. С людьми без мечты героям романа не по дороге.

Труженикам Кураевки подвластны космические дали, потому что они подняты Отчизной к высокой мечте, они думают об освоении Вселенной, потому что это предмет заботы Отчизны. Вот такими показывает их писатель.

В историческом докладе на XXV съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев подчеркнул: «Заслуга наших писателей, художников в том, что они стремятся поддерживать лучшие качества человека — его принципиальность, честность, глубину чувства, исходя при этом из незыблемых принципов нашей коммунистической нравственности».

Олесь Гончар в романе «Берег любви» раскрывает именно эти новые качества с особой привлекательностью и добротой.

Образ Инны Ягнич, как и жизнь и труд Саввы Чередниченко и Андрона Ягнича, с

Олесь Гончар. Берег любви. Роман. Авторизованный перевод с украинского Михаила Алексеева, Ивана Карабутенко. «Москва» № 11, 1976.

Ирина **ДЕРЮГИНА**

«Я ВЫБРАЛА ГИМНАСТИКУ!»

Художественная гимнастика — это моя жизнь. Сколько я себя помню, рядом со мной была гимнастика: моя мама — тренер, и не по прихоти, а просто в силу необходимости она часто брала меня с собой на занятия. Свои первые шаги я сделала буквально в гимнастическом зале и, когда мне исполнилось три года, уже могла копировать многих известных спортсменок.

С пяти лет я начала заниматься в балетной школе, и балет стал для меня вечным праздником. До четырнадцати лет я как бы раздваивалась: всю зиму занималась в хореографическом училище, а летом во время каникул пыталась догнать своих сверстниц в художественной гимнастике. Только после седьмого класса я поняла, что мне надо делать выбор. И я выбрала гимнастику. Через год мне удалось стать чемпионкой СССР. Вообще-то это звание присваивается гимнасткам, достигшим шестнадцатилетнего возраста, но для меня было сделано исключение.

Чем же меня захватила художественная гимнастика? Если в детстве я воспринимала ее как игру, особенно упражнения с предметами, то потом поняла, что она приносит мне огромную радость, учит в совершенстве владеть своим телом, что в ней я могу полнее, чем в чем-нибудь другом, выразить свой характер. Ведь в балете ты должна вводить себя в рамки определенной роли, а в художественной гимнастике, наоборот, можешь создавать роль, раскрывать себя.

Художественная гимнастика воспитывает трудолюбие, выдержку. Если у меня не получается какое-нибудь движение, я могу повторять его тысячу раз, так что работать приходится в полную силу, а когда готовишься к соревнованиям, тренируешься по восемь часов в день.

Наш спорт учит умению просто и естественно держаться в любой обстановке. Я знаю, что никогда не сделаю некрасивого, неловкого движения, и мне доставляет огромное удовлетворение мысль о том, что я воспитываю и у других чувство красоты.

Интервью взял С. КАЛИНИЧЕВ.

Элина БЫСТРИЦКАЯ, народная артистка РСФСР, президент Федерации художественной гимнастики СССР

ГАРМОНИЯ И КРАСОТА

ЖД
АНИЙ

особой полнотой свидетельствует о воспитательной силе нашей, коммунистической морали, причем высокие принципы гуманизма этой морали утверждаются делами, действиями, происходящими в жизни героев романа, в их связях со своими побратимами по труду, в кругу интересов, которыми они живут.

А живут в Кураевке высокой и вполне земной в своих конкретных проявлениях мечтой — трудом возвеличить и приумножить силу нашей великой Отчизны.

Когда Андрон Ягнич уходит на пенсию и прощается с парусником «Орион», переживания старого, опытного мастера корабля не могут не волновать тех, кто на протяжении многих лет и дней ощущал животворную силу его разума, крылатость его мечты, доброту и справедливость его души. Ягнич ушел с палубы «Ориона», но прочно стоит на земле. И, наверное, земля Кураевки для него чем-то напоминает палубу парусника, а будничные хлопоты новой жизни чем-то напоминают перекаты морских волн... Старый Ягнич остается тесно связанным с жизнью, причастным к великому делу, которое творят его земляки-односельчане, которое свершается во всей стране Советской. Тем более что не все беззаботно вокруг. Ибо такова жизнь.

Герои романа мыслят по-государственному, для них сочетание личных и общественных интересов органично. Широта их замыслов, масштабность их планов, коммунистическое отношение к труду раскрывают в каждом из них чувство большой ответственности за дело, ставшее для них призванием всей жизни.

С предельной выразительностью выписывает Олесь Гончар романтическую взволнованность Инны Ягнич. Она глубоко осознает, как важно быть наследницей величественных традиций старшего поколения. Понимает, что эти традиции необходимо не только хранить, но и, приумножая, продолжать.

Из жизни пришли в «Берег любви» герои, и с его страниц они снова пойдут на широкие просторы жизни. Читатель подружится с ними и полюбит их.

Первая любовь Инны Ягнич не приносит ей счастья. Полюбив Виктора, Инна, собственно, полюбила в нем мечту. Со всей искренностью рассказала она об этом в своей песне «Берег любви». Можно сказать, что Виктора таким, каким она его любила, Инна выдумала. Автор не навязывал героине романа своей воли, и это закономерно. Такое вмешательство в судьбу своих героев не в стиле Олеся Гончара. Он словно бы стоит в стороне, как бы приговаривая: дескать, избрали для себя такой путь, что же, идите, дерзайте, убеждайтесь на собственном опыте, в чем будет заключаться ваша ошибка... Дорого заплатит Инна за эту ошибку. Но тем большую закалку получит ее характер, тем более устойчивой, лишенной, наверное, навсегда сентиментальности станет ее романтичность восприятия мира и людей, которые еще встретятся на ее пути, тем ближе станет она к романтическим и манящим странствиям «Ориона», ощутив властную и манящую силу его парусов.

Кто же такой на самом деле Виктор, человек, которого полюбила Инна? Автор романа недвусмысленно показывает, что поведение Виктора от первого антиобщественного поступка до трагического финала, когда он смертельно ранил отца (и тот умер), и само, наконец, самоубийство Виктора не могут быть ни в малейшей степени оправданными риторическими утверждениями о том, что «с ним не работал коллектив» или «коллектив не окружил его вниманием»... Могла ли по-иному сложиться судьба Виктора? Несомненно! Если бы не был он, воспитанный в честной семье, до безумия эгоцентричен, если бы сам не поставил себя над теми, кто его окружал, с кем дружил, если бы он по-настоящему понимал Инну и не обрек себя своими поступками на безвыходное положение.

Метко и честно сказал Инне о таких, как Виктор, курсант с «Ориона» Заболотный, что топит не море, топит лужа.

Рисуя образ Виктора, писатель не погрешил перед жизненной правдой, не погрешил, показав в конечном счете «исключительность», нетипичность этого характера для нашего общества.

«Сила романа в правде»,— писал когда-то Бальзак в письме к Теофилю Готье. В романе «Берег любви» его герои живут этой правдой. Поиски писателя, умноженные на доскональное знание им материала, который в его мастерских руках обретает скульптурную выразительность, обогащает галерею образов, утверждающих советский образ жизни. В Кураевке живут люди с широким диапазоном видения, с потребностью постижения новых вершин в труде и в жизни, со стремлением быть лично причастными к великим делам строительства нового общества. Они прекрасно понимают, что сами они отважные, вдохновенные строители этого общества. Писатель Олесь Гончар рассказывает об этом в присущей ему спокойно-сдержанной и в то же время глубоко взволнованной манере, которая определяет сущность и глубину его таланта.

Наша литература обогатилась новым произведением. Произведением, в котором живут, действуют, побеждают люди не легкой, не беззаботной, но величественной и светлой судьбы. И то, что их судьба неотделима от судьбы всего многонационального советского народа, для них истина, которая наполняет их сердца верой в свои силы. Как и сам автор романа, берегущий и умножающий традиции своих предшественников, прекрасные традиции романтико-реалистической школы украинского романа, определяющие успех его книг у читателей, так и его герои берегут традиции своих предшественников, тех, кто совершал Октябрьскую революцию, кто созидал на стройках пятилеток, кто разгромил фашизм, берегут и приумножают их.

Сжатость и четкость манеры письма романа «Берег любви», его насыщенность раздумьями о морально-этических основах нашего общества свидетельствуют о новых исканиях писателя. Создается впечатление, что герои романа хорошо понимают стремления автора, и эти стремления окрыляют их. Автор вместе с ними на палубе корабля, который под сильными парусами нашей Отчизны преодолевает трудности, уверенно движется по верному курсу к берегу мира и справедливости, к тому светлому берегу, путь к которому открыл великий Ленин.

Художественная гимнастика как спорт родилась совсем недавно, каких-нибудь двадцать пять лет назад, а сейчас стала успешно соперничать чуть ли не на равных со своей старшей сестрой — спортивной гимнастикой. Являясь в отличие от спортивной гимнастики делом чисто женским, художественная гимнастика с каждым годом привлекает к себе все больше и больше поклонниц. Еще бы! Чтобы понять, в чем ее привлекательность, достаточно взглянуть на снимок, опубликованный на обложке этого номера «Огонька». Перед вами Ирина Дерюгина, одна из лучших наших гимнасток, завоевавшая первенство страны, когда ей еще не было шестнадцати лет, двукратная обладательница Кубка Интервидения, одна из главных претенденток на титул чемпионки мира, который будет разыгрываться в Швейцарии осенью 1977 года. Посмотрите, сколько изящества, гибкости, завершенности в ее позе. Какой другой спорт так формирует фигуру женщины, шлифует ее осанку, ее походку, воспитывает в ней умение непринужденно, естественно владеть своим телом, каждым своим движением?

Эти возможности художественной гимнастики обратили на себя внимание спортивных педагогов еще в те времена, когда не проводились соревнования, не разыгрывались призы и титулы. Специалисты, изучающие возникновение художественной гимнастики, пришли к выводу, что она берет свое начало в Древней Греции: ведь уже тогда люди ценили пластику, ритмику, гармонию, плавность и красоту движений — все то, что является содержанием художественной гимнастики сегодня.

Пути развития этого прекрасного спорта претерпели немалые изменения, прежде чем он обрел свою самостоятельность. У нас в стране зачатки художественного движения мы находим в народных плясках, хороводах, обрядах. Еще в давние времена в России существовало много гимнастических систем, а в Ленинграде, например, был открыт институт ритма. Новая дисциплина вошла в учебную программу Ленинградского института физической культуры имени Лесгафта, а затем преподавателей художественной гимнастики стали готовить в педагогических институтах.

В 1948 году в Тбилиси был проведен первый чемпионат страны, в котором приняло участие 130 человек; с 1963 года стали разыгрываться и чемпионаты мира.

Первая золотая медаль на чемпионате мира, который проходил в Будапеште, была вручена советской спортсменке Людмиле Савинковой, ныне заслуженному мастеру спорта СССР. Осенью 1977 года в Швейцарии будет проведен VIII чемпионат мира, а на предыдущих шести (на чемпионате 1975 года в Мадриде советские спортсменки не участвовали) наши лучшие гимнастки вели захватывающую по красоте и напряжению борьбу с гимнастками Болгарии и Чехословакии. В этих двух братских странах молодой спорт обрел огромную популярность. Хана Мичехова из Чехословакии стала чемпионкой мира в 1965 году, а Мария Гигова из Болгарской Народной Республики трижды завоевывала золотую медаль. Теперь эта замечательная спортсменка завершила свой славный путь, но уже на Кубке Интервидения 1976 года с успехом выступила ее ученица Светла Колчевска.

Мы горды тем, что на чемпионатах мира добивались победы Елена Карпухина, Галима Шугурова, Любовь Парадиева и Татьяна Кравченко. А в 1968 году в международный календарь по художественной гимнастике было внесено еще одно, ставшее ныне очень популярным соревнование — Кубок Интервидения, в котором принимают участие и юниорки. Первый Кубок Интервидения выиграла хозяйка помоста Мария Гигова, а среди юниорок первой была советская гимнастка двенадцатилетняя Леночка Леонтьева.

С каждым годом все труднее добиваться успехов в состязаниях по художественной гимнастике: растет сложность программы как обязательной, так и произвольной, все большие требования предъявляются спортсменкам в единстве музыки и движений, в виртуозности использования различных предметов — обруча, мяча, ленты, скакалки. Все больше возрастает роль хореографии и акробатики.

Нынешний год будет для нас особенно напряженным — ведь мы будем держать новый серьезный экзамен на чемпионате мира. Тренерскому коллективу нашей сборной, который возглавляет заслуженный тренер СССР Валентина Григорьевна Батаен, надо будет пересмотреть произвольные композиции, а также добиться четкости и синхронности в групповых упражнениях. Три девушки будут оспаривать звание чемпионок мира в многоборье. В программу индивидуальных соревнований входят на сей раз четыре вида упражнений — с мячом, обручем, скакалкой и лентой.

Для того, чтобы попасть на чемпионат мира, надо показать в мае на чемпионате СССР высокие результаты, там права попасть в тройку сильнейших будут добиваться сто две лучшие гимнастки страны.

Гимнастки из 30 стран, представительницы трех континентов принимают участие в международных турнирах. Популярность художественной гимнастики возрастает с каждым днем. Мы помним, как олимпийский Монреаль рукоплескал нашим девушкам, выступившим с показательной программой, и надеемся, что не за горами то время, когда этот замечательный спорт будет включен в программу Олимпийских игр.

Сейчас мы уделяем много времени не только подготовке ведущих гимнасток, но и внедрению художественной гимнастики в массы нашей молодежи. Ведущими тренерами нашей федерации разработан специальный комплекс для школьников, и теперь уроки по художественной гимнастике входят в учебную программу. Как и в других видах спорта, в художественной гимнастике массовость рождает мастерство. Чем больше девушек будет заниматься этим прекрасным видом спорта, тем больше будет у нас красивых, грациозных и сильных женщин, тем больше будет наш вклад в дело формирования нового человека.

Так чист родник...

Людмила
ЩИПАХИНА

КРАСНЫЕ ДАТЫ

Да здравствуют красные даты!
Меж сердцем и сердцем —
мосты.
Мы высшей идеи солдаты,
И помыслы наши чисты.

Да здравствуют красные даты!
По сути, все дни таковы,
Когда убежденья святы,
Когда побужденья правы.

Да здравствуют красные даты!
Торжественный зов площадей.
Особою силой богаты
Сплоченные души людей.

Да здравствуют красные даты!
Когда на волне торжества
Светлы, первозданны, крылаты
Высокие наши слова!

ЗАВИСИМОСТЬ

Зависима я навсегда.
Зависимость эту лелею.
Все то, что люблю и жалею,
И чем одарили года,
Случайным назвать не посмею.
От зерен, что в землю посею,
Зависима я навсегда.

Зависима я от строки.
От каждого верного слова.
От друга. От недруга злого.
От вашей приветной руки.
Зависима снова и снова
От весен, от шума лесного,
От белого взрыва пурги.

Навеки зависима я
От солнца, от звезд, от погоды.
От древних законов природы.
От добрых удобств бытия.
От вашей любви и заботы.
От вечного зова работы
Надежно зависима я.

И, выбрав свободно вполне,
Чем жить, в чем принять
Соучастье —
В покое, в возможном ненастье
И в каждом насыщенном дне,
Я знаю: открытая настежь,
Надежная, равная счастью
Зависимость крепнет во мне.

ДРУЗЬЯМ МОИМ

Друзья мои, у вас легка рука.
Ваш глаз не сглазит. И известно
тоже,
Что коль хула слетает с языка,
Она ему досадна и горька.
Молчанье легче. Истина
дороже.

Так чист родник, приближенный
ко рту,
Что я глоток поспешный
сделать трушу.
Зачем стряслось такое на роду?
Зачем я вникла в эту доброту,
Пустила в сердце и связала
душу?

Общительности скрученная
нить
Сухую отчужденность
распилила.
И вот учусь я с вами есть и пить.
И все, что есть, и все, что
может быть,
Я меж собой и вами разделила.

Друзья мои, не тяжела ли вам
И нежность ваша и
долготерпенье?
Угодно ли разумным головам
Простить мою приверженность
к словам
И это прочитать стихотворенье?

ЭТОТ ГОРОД

Этот город томит,
В сны врезается,
Душу тревожит,
Оседает на груз размышлений,
Вопросы копя.
То надежду вдыхает,
То камень
На сердце положит.
Перекрестками мнений
Пытает и правит тебя.

Этот город познать —
Неизбывно желанье
И остро.
Все, что с жизнью несу я,
Готова отдать под заклад!
Распорядок его
С распорядком души согласуя,
Между чувством и долгом
Не сею мятежный разлад.

Город строг.
Не прощает фальшивости.
Взгляд его ясен.
И прекрасен
Над ним
Голубой, полыхающий свет.
Он рожден из дорог.
Он геройством веков опоясан.
И судьбой вознесен.
И бессмертной идеей согрет.
Так люблю этот город!
Его отдаленность
И близость,
Словно книгу огромную,
Я не устану
Читать.
Я учусь мастерству.
И стараюсь
Судьбу свою скромную,
Сколько можно достойней
С величьем его сочетать.

ВЫБОР

Я выбираю окаянного,
Отчаянного, долгожданного,
Не терпящего жестов
медленных,
Прожившего сто жизней
ветреных.

Я выбираю непутевого,
К любым нелепостям готового,
Не знающего соразмерности,
Не приучившегося к верности.

Я выбираю бесшабашного,
Уродливого, злого, страшного,
В своей планиде убежденного
Карать и миловать рожденного.

Я выбираю разнесчастного,
Такого хитрого, опасного,
Пришедшего и уходящего,
Чужую душу не щадящего.

Мои уста его запомнили.
Его слова мой слух заполнили.
Его глаза покой мой выкрали.
Я выбрала!
Меня не выбрали.

•

Как птичьи стаи в день осенний
Покинули приют садов,
Как мотыльки летят от дыма,
Как покидают нелюбимых —
Меня покинуло везенье,
И не найти его следов.

Я вижу, как вдали мелькает
Манящей синью водоем,
И возникает плод на ветке,
И верность копится навеки.
Но все тускнеет и сникает
При появлении моем.

Чем прогневила я судьбу?
Зачем земле меня чуждаться,
Зачем желать, зачем жалеть,
И от предчувствия шалеть,
И в невозможном
убеждаться?

Как бы лежит на мне печать
Недоброй воли, духа злого.
Мне не везет. Не светит мне
Удача солнышком в окне.
И все, чему дано молчать,
Переполняет рамки слова.

Мне не потворствует молва.
Любимый любит без усердья.
Такая скучная пора!
Ко мне добры, коль я добра.
И все огромнее дыра
В боку, со стороны предсердья.

•

Звезда несла свой караул,
Сверкая дико.
Темнела даль. Афганец дул
Там, у арыка.

Тысячелетия и миг
Сошлись вплотную.
Наивен ты или велик —
Не разберу я.

А в горле саднеет комок
Тоски и крика.
Кто спас меня и кто помог
Там, у арыка.

Смеялась истина, а ложь
Торжествовала.
И прятал месяц лунный нож
Под тень дувала.

И потеряли смысл слова,
Сочась безлико.
И стыла кровь. И жгла трава
Там, у арыка.

Излился запахами сад,
Пьяня чудесно.
А память пятилась назад,
Туда, где тесно.

Молчал Памир. Томился барс
Желаньем рыка.
И мир зажегся и погас
Там, у арыка...

Как ковш, распитый пополам,
И как коврига —
На то, что здесь,
И то, что там.
Там, у арыка.

На рейде Никольского.

наше отечество

В. КУЗНЕЦОВ,
Л. ПЛЕШАКОВ,
Л. ШЕРСТЕННИКОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

СТОЛИЦА ТУМАННЫХ ОСТРОВОВ

Каждый приход судна заметно увеличивает население островов.

Зина Жукова и ее сын Женя — потомственные командорцы.

Витус Беринг первым из европейцев увидел эти туманные острова.

К островам мы подошли на рассвете.

«Петропавловск» сбавил ход и не торопясь направился к середине бухты. В удобном месте он бросил якоря, и, когда цепи отгремели положенное, корабль стал разворачиваться носом к ветру, тянувшему с берега.

Пассажиры — и те, что сходили в Никольском, и те, кому предстояло плыть еще дальше, в Усть-Камчатск, Оссору, Корф или Пахачи,— все уже были на палубе и всматривались в берег, где из тумана все четче выступало небольшое село, в два яруса тянувшееся вдоль бухты одно- и двухэтажными домами.

Толкая впереди себя седоголовую волнишку, к нам торопились катер и самоходная баржа. Команда «Петропавловска», готовясь к выгрузке пассажиров, ладила в это время лебедку и огромную брезентовую корзину. Когда баржа ошвартовалась у борта теплохода, первые семь-восемь человек заняли место в корзине, лебедка подняла их над палубой, стрела развернулась, и, описав дугу над бортом, корзина плавно опустилась на палубу самоходки.

Эта операция повторялась еще много раз, пока пассажиры и их вещи не перебрались на баржу. Потом были отданы швартовы, «Петропавловск» выбрал якоря и стал разворачиваться к выходу в океан, а мы не торопясь пошлепали к бетонному причалу Никольского.

На административных картах страны его метят самым маленьким кружочком, как все населенные пункты с числом жителей менее десяти тысяч. Говоря откровенно, в отношении его слова «менее десяти тысяч» — большое преувеличение. В тот день, когда мы ступили на землю острова Беринга, в Никольском, центре Алеутского района Камчатской области, единственном населенном пункте на Командорских островах, числилось 1123 жителя. Так что теплоход «Петропавловск», совершая свой обычный рейс вдоль камчатского побережья, не просто высадил тут 127 пассажиров — в основном туристов и командированных,— а сразу на десять процентов увеличил население целого района.

Понятия отдаленности и экзотичности всегда относительны и условны. Когда улетаешь на Камчатку, московские знакомые, желая доброго пути, не скрывают своей зависти: как далеко, как интересно! А вот в Петропавловске нам завидовали, когда мы уходили рейсом на Командоры. Казалось, что для жителей Камчатки умчаться на материк, куда-нибудь за девять часовых поясов, было проще, чем пересечь двухсоткилометровую полоску Тихого океана, отделяющую Командоры от полуострова.

И, только попав сюда, по-настоящему понимаешь, насколько далеки и необычны эти острова. Даже сверхобильная информация о них не может полностью охватить всего, что предстанет перед твоими глазами, и обязательно оставит кое-что такое, в чем ты сможешь почувствовать себя первооткрывателем. Странное дело, но экзотика островов воспринимается как обязательная и ожидаемая их принадлежность. О лежбищах котиков, колонии каланов, птичьих базарах Командоров написано и рассказано немало. Наверное, поэтому, увидав все собственными глазами, остаешься потрясенным зрелищем, но не удивленным: ты обо всем уже знал и теперь сравниваешь увиденное с прежними представлениями, основанными на рассказах других. И песцов, которые летом, спокойные за свою шкурку, не особенно боятся человека, и если последний скор на ногу, то может догнать зверька и, сфотографировавшись на память, отпустить его до зимы в тундру,— и этих песцов тоже воспринимаешь как должное. И о лососях, которые ползком пробиваются через перекаты мелких речушек к местам нерестилищ, ты уже знаешь и радуешься, что не обманулся в ожиданиях, когда видишь, как огромные рыбины, наполовину высунувшиеся из воды, мчатся против течения, раздирая тело о камни меляков.

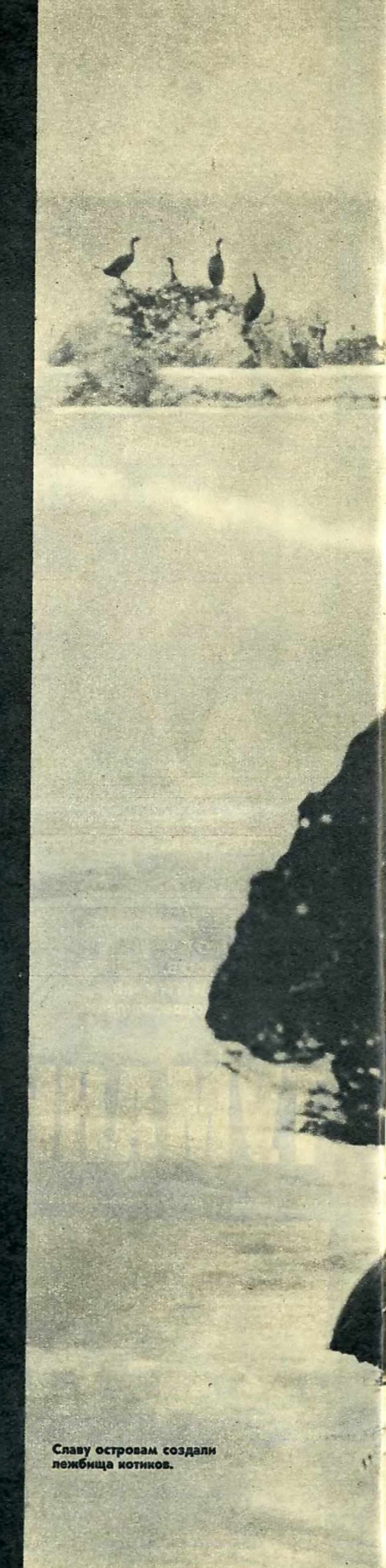
В первый же день пребывания в Никольском мы увидели новенький оранжевый «Москвич», который деловито пропылил от порта в другой конец села. Может быть, это «событие» так бы и осталось не замеченным нами, если бы в следующие дни мы не убедились, что на Командорах назвать легковушку средством транспорта можно только условно. Идущие от океана луга с сочным пыреем и тимофеевкой по грудь, непроходимым борщовником, скудная каменистая тундра, одевшая вершины холмов, зыбунистые болота в долинах рек часто бывают не по зубам даже гусеничным вездеходам. А тут «Москвич»!

Владелец единственного здесь легкового автомобиля Илья Тихонович Симаков, заведующий районным отделом культуры, купил машину в июне. За два месяца к тем восьми километрам на спидометре, с которыми машина покинула заводские ворота, он сумел накатать всего 290. Оно и понятно: самый дальний семейный выезд, который удалось совершить, на стадион,— полтора километра. Дальше дорог для «Москвича» нет. Даже в разгар прохладного туманного лета.

Когда в Москве полночь, тут следующий день успел отшагать уже девять часов. Географическую удаленность здесь чувствуешь не только из-за разницы во времени. Океан, что не устает гнать волны, кромкой прибоя напоминает о большом мире, который раскинулся далеко от островов, обрывками сетей, обломками лодок и спасательных кругов, ящиками и бамбуковыми шестами, веслами, бутылками: все, что способно держаться на воде, прибито к берегу, потому что берег этот — край земли, и он первым получает «дары» океана.

Что удивительно: в Никольском не чувствуешь оторванности от материка. «Далеко» и «оторванно» — это разные понятия. Некогда забитая и забытая окраина России стала в наши дни такой же равноправной частью Союза, как и любой другой ее край. Технический прогресс, культура пришли и сюда—это понятно. Но ощущение постоянной связи с материком идет еще и оттого, что большинство живущих здесь приехали из разных уголков страны и каждый поддерживает связь со своим отчим домом. Кроме алеутов, коренных жителей островов, маленькой народности Севера, в Никольском—русские, украинцы, белорусы, грек, осетин, чеченка, ассириец, а всего двадцать одна национальность. Согласитесь, на 1123 жителя это много. Как в капле воды в маленьком селе отразилась вся наша многонациональная держава.

Они промышляют котиков и песцов, ловят рыбу, работают на зверокомбинате, молочнотоварной ферме, в районной больнице, стройучастке, гидрометеоцентре, почтовом отделении, школе-интернате. Два раза в неделю тут выходит районная газета «Алеутская звезда» тиражом в 318 экземпляров. И каждое утро Александра Павловна Сиротюк, одновременно библиотекарь и диктор местной радиосети, сообщает по радио новости: сводку погоды, когда придет очередное судно или самолет...

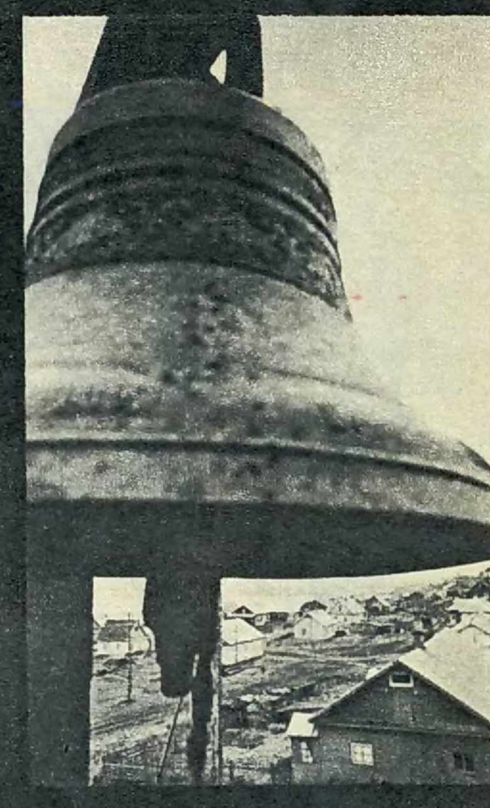
Славу островам создали лежбища котиков.

Через полчаса жители Никольского получат свежий номер районной газеты.

Зинаида Шишкова выращивает норок.

Говорят, этот колокол должен оповещать о приближении цунами. Пока что он ни разу не подал «голоса».

Главные новости островитянам приносит радио. Радиооператор Владимир Данилович.

Олег **ШМЕЛЕВ**,
Владимир **ВОСТОКОВ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава V

КЛУБ «ДИСКУССИЯ»

Мистер Дей побрился, принял душ, оделся перед зеркалом, почистил и подровнял пилкой ногти. Потом сходил за газетами и выглянул на улицу. День начинался чудесный.

В девять часов раздался стук в дверь. Он поднял голову от газеты.

— Прошу!

Вошла Галина.

— Доброе утро. Как спали?

— Великолепно!

Она заметила на столике проектор с пленкой.

— О, вы уже и кино смотрели?

— Да, и очень интересное. Хотите? Всего одна серия.

— Так рано? Давно не ходила на детские сеансы. Ну, что ж, крутите.— Она села в кресло, в котором сидела вчера.— Можно закурить?

— Да, конечно, у нас на Западе в кинотеатрах курят.— Он подал ей пепельницу и стал к проектору. На стене возник светлый прямоугольник, аппарат тихонько зашипел, и Галина увидела сидящую в кресле женщину. Она не узнала себя, ничего не успела понять, а лента уже кончилась.

— Ну, как фильм?— весело спросил мистер Дей.

— Мало действия.

— Натурально, натурально!— обрадовался он.

— Но кто эта дама?

Только тогда он сообразил, что Галина себя не узнала,— так была она далека от мысли, что ее могут снимать скрытой камерой.

— Как, вы не узнаете? В таком случае повторим.

Он перемотал пленку и пустил ее снова. На этот раз она поняла, что видит себя.

— Так, так, мистер Дей. Когда же успели?

Он подошел к столу, где лежали аппараты, взял в руки кинокамеру.

— Вчера, прежде чем пойти к своему знакомому, я незаметно включил эту штучку. Она не очень шумит, но если бы и шумела, вы бы не услышали: работал телевизор. Вы сидели там же, где сидите сейчас.— Он поставил камеру на стол, навел ее.— Вот так, видите? И весь фокус.

Она задумалась, докурила сигарету. Хорошее настроение пропало.

— Зачем вам это нужно? Только не говорите, что на память.

— Я мог бы не показывать вам ленту, не так ли? Поэтому прошу оценить мою откровенность.

— Слишком сложно. Не пойму.

Он стал серьезным.

— Объяснимся, дорогая Галина. Дело в том, что я почему-то думал: вы приставлены ко мне шпионить.

— Вот как? Почему же?

— Вероятно, я жертва западной пропаганды. Это очень мощный пресс.

— Все-таки не понимаю: зачем вы меня снимали у себя в номере? Неужели...— Она не смела вслух высказать свою догадку.

Но ему ничего не стоило называть вещи своими именами.

— Нет, я, конечно же, не думал, что вы будете интересоваться содержимым моих чемоданов. Я не настолько оболванен западной пропагандой. Но мне хотелось посмотреть, какое у вас выражение лица, когда вы в одиночестве.

— Спасибо за откровенность, мистер Дей. У вас имеются другие способы проверки?

— Не сердитесь. Я ведь вижу: моя прямота вам по душе. Это лучше, чем глухая скрытность.

Старый жуир угадал: Галина, вначале расстроившаяся и почувствовавшая неприязнь к своему «люксовому» подопечному, быстро сменила гнев на милость: ей нравилось такое безобязненное отношение к самым щепетильным вопросам. Она ни на миг не допускала мысли, что этот психологический этюд еще сложнее, чем ей показалось, что у откровенности мистера Дея двойное дно, что все это устроено специально — именно в расчете на то, что она проникнется к нему симпатией и доверием. У него были все основания считать этюд удачным.

— Идемте завтракать, и в посольство!— сказал он громко.— Хочу есть!

— Я позавтракала.

— Кофе никому не помешает.

Из ресторана мистер Дей после завтрака позвонил в посольство, и они вышли на улицу. Такси со знакомым номером ожидало их на стоянке. За рулем сидел не Коля. Кто-то плотный, с толстой шеей.

— Это наше?— спросил мистер Дей у Галины.

— Да. Шофер другой.

— А где же Коля?— Это уже обращено было к водителю.

— Выходной. Мы работаем через день. Я его сменщик.

— Понятно, понятно.

— Куда прикажете?

Мистер Дей назвал посольство — не канадское, другой страны.

Ехали недолго, минут десять. Мистер Дей не настаивал, когда Галина отказалась сопровождать его в здание посольства. Она осталась в машине.

Он отсутствовал минут сорок и вышел вместе с двумя мужчинами. Им было лет по тридцать. Один светловолосый и худощавый. Другой темный, с пушистыми длинными бакенбардами, ростом и сложением походивший на боксера полутяжелого веса. Они проводили мистера Дея до машины.

— Познакомьтесь,— сказал он, открывая заднюю дверцу.— Это Фридрих.— Он показал на блондина, тот низко поклонился.— А это Джордж.— Боксер кивнул ей.— А это, господа, моя очаровательная спутница и хозяйка, леди Галина.

Боксер был в темных, непроницаемых очках. Галина не любила такие очки. Если ей приходилось разговаривать с людьми в темных очках, у нее возникало такое чувство, словно ее поставили под яркий, слепящий луч софита и рассматривают из темного угла. Чем непроницаемее стекла, тем большее раздражение они вызывают.

Она не протянула им руки. Мистер Дей с одного взгляда распознал ее настроение.

— Мы прощаемся до завтра, друзья мои,— сказал он.— Я на всякий случай утром позвоню.

Они помахали вслед машине рукой.

— Очень хорошие молодые люди,— как бы оправдываясь, заверил ее мистер Дей. — Серьезные... Как это у вас говорят? Целеустремленные.

— Рада за них.

— Между прочим, моя просьба к вам... ну, насчет вечера в кругу молодежи... отпадает. Все устроилось. Джордж берет это на себя.

— Он что, массовик-затейник?

Мистер Дей впервые не уловил иронии — может быть, потому, что не понимал выражения «массовик-затейник».

— Он студент... Так мы куда теперь?

— По плану выставка.

— Едем на выставку.

Езда с новым таксистом отличалась от езды с Колей, как рыбная ловля — еще в детстве отец возил Галину с собой на рыбалку — от забивания «козла», которое она ежедневно видит у себя во дворе с мая по сентябрь включительно. Второй раз они услышали его голос, когда приехали на ВДНХ. Он спросил у Галины:

— Вы долго рассчитываете здесь пробыть?

— Не меньше трех часов.

— Сейчас половина двенадцатого. Разрешите до двух быть свободным?

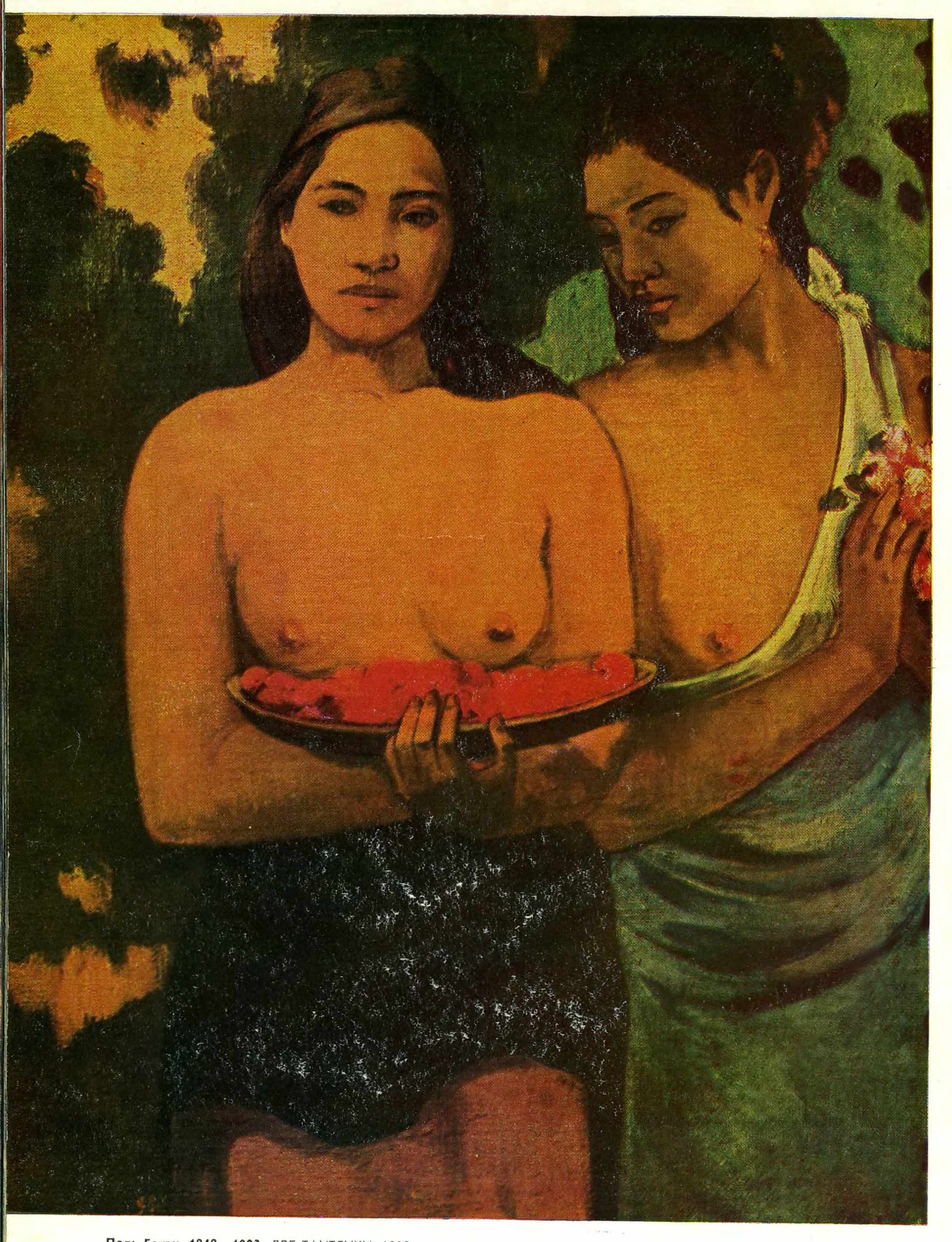
— Пожалуйста.

— Почему он отпрашивается так робко?— поинтересовался мистер Дей.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—6.

Камиль Писсарро. 1830—1903. СТАРЫЙ РЫНОК В РУАНЕ И УЛИЦА ЭПИСЕРИ. 1898. Музей Метрополитен Нью-Йорк.

Поль Гоген. 1848—1903. ДВЕ ТАИТЯНКИ. 1899.

Музей Метрополитен Нью-Порк.

— Хочет подхалтурить.
— Подхалтурить? А что это значит?
— В данном случае — повозить других пассажиров. В Москве большой спрос на такси.
— Интересно. У нас таких понятий нет.
— Зато у вас есть кое-что другое.
— Например?
— Жаждете спора на социально-политические темы? Ну, например, безработица или расовое неравенство.
— Зачем спорить нам с вами? Пусть спорят системы. Я за свободный обмен мнениями.
Они шли прямой и широкой пешеходной магистралью к главному павильону выставки.
— Мистер Джордж устраивает вам именно такой обмен?— спросила она.
— Хорошо, что напомнили. У них там какое-то подобие клуба, собираются молодые люди, обсуждают актуальные проблемы. Я за вас поручился. Возьмите своих друзей, кого пожелаете.
— А почему надо давать ручательство? У них тайное общество?
— Насколько я понял, ничего тайного там нет. Просто собираются единомышленники, полемизируют.
— Какая же полемика между единомышленниками?
Мистеру Дею не нравился такой поворот.
— Добрейшая Галина, прекратим! Смотрите, как красиво вокруг. Оставим сухие предметы.
Они пробыли на выставке три с половиной часа, но до ее противоположного конца не добрались. В павильоне «Животноводство» мистер Дей сказал:
— Вы не устали? Я уже нагляделся. Все очень интересно, но пора и честь знать.
Сели в автопоезд, доехали до выхода. Таксист ждал их. После обеда мистер Дей отправился в гостиницу отдыхать, а Галина позвонила на работу Лене Смолиной, и таксист отвез ее на Смоленскую площадь, к Министерству иностранных дел. Лена вышла, и они поговорили.. Галина передала подруге отлитые в пузырек из-под перекиси водорода духи «Кристиан Диор». Лена убежала, а Галина вернулась к гостинице. Она немного вздремнула в машине. В половине пятого явился мистер Дей, и они отправились смотреть Московский университет. В девять мистер Дей завез ее домой. На завтра была составлена обширная программа, заключительным пунктом которой значилось посещение квартиры на проспекте Вернадского — адрес у мистера Дея был записан,— где Джордж организовывал нечто вроде клуба.
Уже лежа в постели, Галина позвонила Володе. Разговор получился нервный.
— Я хотела бы пригласить тебя сейчас к себе, но у меня завтра два музея,— сказала она.
— И на том спасибо.
— Как твои дела?
— Благодарю, в порядке.
— Завтра вечером свободен?
— Да.
Он только отвечал на вопросы, не более.
— Тебе не кажется, что ты ведешь себя по-детски? И что у тебя тяжелый характер?
— Может быть. Не хочу притворяться.
— Ты и не сумеешь.
— Предпочитаю не уметь.
— Хочешь, чтобы я не спала?
— Спи, пожалуйста, на здоровье.
— Ах, Володя, Володя! Ты же большой, сильный, где же твоя снисходительность?
Вероятно, это его задело.
— Прости. Правда, что-то меня не туда несет. Прости.
— Хочешь со мной завтра вечером в одну компанию?
— Что за компания?
— Какой-то домашний клуб. Мой мистер Дей желает там быть. А потом поедешь ко мне.
— Где встретимся?
— Я за тобой заеду. Будь дома от семи до восьми.
— Договорились. Спи спокойно...
Без четверти восемь шофер Коля привез мистера Дея и Галину на Профсоюзную улицу, она зашла за Володей, а потом поехали на проспект Вернадского и остановились у длинного, в полквартала дома. Колю отпустили на полтора часа.
Квартира, куда они пришли, уже с порога производила впечатление проходного двора. На полу валялся придавленный окурок сигареты. Вешалка перегружена какими-то пыльными одеждами. Под вешалкой стоят несколько портфелей. В углу — табун пустых бутылок.
Их встретил Джордж и высокий молодой человек с удивительно свежим цветом лица. Джордж был без очков.
— Это хозяин квартиры,— сказал он.— Ричард Славский.
— Очень рады, мистер Дей.— Хозяин уже помогал гостю освободиться от аппаратов.
Потом Джордж и Ричард познакомились с Володей, пожали руку Галине. Хозяину было не больше двадцати двух, но смотрел он на пришедших несколько покровительственно, как старший на меньших. У него был не по летам проницательный взгляд и нагловатая манера разглядывать людей. А в углах рта таилась чуть заметная усмешка, словно этот Ричард о каждом, на кого смотрел, знал что-то не совсем пристойное. Как стало известно Галине много позже, Ричард в то время переживал бурную полосу. Его родители, оба врачи, уехали на два года в Африку, и он остался один в трехкомнатной квартире. Медицинский институт, где он учился на третьем курсе, был заброшен. Ричард, прекрасно знавший английский язык, завел знакомства среди иностранцев и начал заниматься фарцовкой. Но все это она узнала после, а сейчас их пригласили в просторную гостиную, где за раздвинутым во всю длину обеденным столом сидело шесть человек: два брюнета студенческого возраста, очень похожие, оба с очень черными кудрявыми волосами, с узкими белыми лицами; юнец в цветастой женской кофте; странный толстощекий субъект, остриженный под машинку, весь какой-то сдобный, мелко и часто жевавший что-то, и две девы — одна миниатюрная, с живыми черными глазами, другая довольно крупная, с соломенными пышными волосами, раскиданными по плечам; она хранила устало-томный вид, и это делало ее комичной, потому что у нее был задорно вздернутый носик и веснушки, проступавшие даже сквозь пудру.
Вновь прибывших ни с кем не знакомили. Придвинули еще три стула, положили на стол перед каждым по пачке сигарет «Честерфильд», по пачке жевательной резинки и несколько тоненьких журнальчиков. Они были отпечатаны на русском. Владимир Яковлев взял их в руки, прочел заглавия: «Континент», «Посев», «Грани», «Вольное слово».
Хозяин меж тем носил кое-что из кухни — высокие стаканы с толстым литым дном, бутылки с виски и содовой водой, апельсиновый сок в литровых консервных банках с пробитыми в двух местах верхними крышками, стеклянный сифон, оплетенный серебристым металлом, и вазы с кубиками льда. Джордж следил за его действиями, как строгий метрдотель. Наконец, все было принесено, Ричард пошептался с Джорджем и, обратясь к гостям, сказал:
— Итак, друзья, каждый ухаживает сам за собой или за соседом. Сегодня у нас знаменательный вечер. Мне доверена приятная миссия сообщить вам, что наш творческий клуб начинает свою деятельность. Вводное слово скажет наш друг Джордж, студент Московского государственного университета.
— Дорогие коллеги!— с пафосом, рассчитанным на бо́льшую аудиторию, заговорил Джордж.— Девизом и главным законом нашего клуба будет свобода слова, полная и ничем не ограниченная. Каждый сможет говорить то, что он думает, и в выражениях, которые считает подходящими. Не все из вас к этому привыкли, но проблема разрешима. Нас будут регулярно посещать люди, воспитанные в условиях подлинной демократии. Они дадут нам пример, как человек свободного образа мыслей может широко и непредубежденно судить о явлениях общественной жизни и о государственной политике. Это будет для всех нас отдушиной, это освежит наш ум и наше сердце.
Володя шепнул Галине:
— Слушай, это же шпана с антисоветским оперением. Куда мы попали?
— Подожди, не торопись.
Джордж неодобрительно покосился на них, помолчал немного и продолжал:
— Клуб должен иметь свое название. Прошу подумать и предложить.
— У меня есть предложение,— сказал Ричард.
— Мы слушаем.
— «Дискуссия». Клуб «Дискуссия». По-моему, подходит.
Джордж посмотрел в потолок, шевеля беззвучно губами, будто пробовал слово на вкус.
— Что ж, действительно ничего. Все согласны? Или есть другие предложения?
Брюнеты кивали головами. Томная курносая девица сказала:
— «Дискуссия»— это прекрасно.
— Утвердили,— подытожил Джордж.— Надо сказать о порядке нашей работы. Я думаю, форму наших собраний мы можем заимствовать у семинаров, которые проводятся в советских вузах и организациях. Только форму, но не дух. Кто-то делает доклад на определенную, выбранную нами же тему, а потом свободная дискуссия. Это — первое. Второе: наш клуб должен стать тесным сообществом индивидуальностей, у которых нет тайн друг от друга. Каждый может принести сюда свое горе и найти здесь помощь и утешение...
— Он что, поп?— снова шепнул Володя.
— Молчи, молчи,— сказала Галя.
— ...Мы не ставим себе политических целей,— закруглялся Джордж.— Мы остаемся лояльными по отношению к системе общественного и политического устройства, существующего в стране нашего пребывания. Свободное духовное общение свободных личностей — вот наши средства и наша цель. Наши двери открыты для всех. Нам некого и нечего опасаться.
Раздались дружные аплодисменты двух девиц и длинноволосого юнца.
Мистер Дей склонился к Галине:
— Что ж, все очень разумно, не правда ли?
— Сомневаюсь. Никогда ничего подобного не слыхала.
— Еще несколько слов,— после паузы сказал Джордж.— Мир переживает сейчас счастливое время. Расширяются контакты между странами, процветает торговля. Но духовные контакты, на мой взгляд, еще очень сильно отстают от экономических аспектов разрядки. Я имею в виду непосредственный, живой контакт между людьми, нерегламентированный обмен идеями. Наш клуб призван до какой-то степени исправить это несоответствие. Я кончил, спасибо за внимание.
Снова дружные аплодисменты с того же конца стола. Один из кудрявых брюнетов как-то вяло и небрежно поднял руку, прося слова.
— Пожалуйста, мы вас слушаем,— быстро проговорил Ричард.— Вставать не надо.
— Я хотел бы сделать доклад на следующем заседании,— солидно, не торопясь и ни на кого не глядя, сказал брюнет.
— Просим. Какая тема?
— История демократии.
— Согласны?— спросил Ричард, обращаясь ко всем сразу.
Девицы кивали.
— Утверждаем. А сейчас прошу высказываться. Коллега Джордж набросал перед нами программу нашего клуба. Мы можем принять ее или поправить. Каждый имеет право внести изменения.
Все молчали, и молчание неприлично затянулось. Обойдя стол и став против Владимира и Галины, Джордж сказал:
— У вас, по-моему, есть какие-то замечания. Но здесь все можно говорить вслух.
— Вы ко мне?— спросил Владимир.
— Да. Вы шептали на ухо вашей коллеге. Говорите для всех.— Джордж улыбался.
— Боюсь, это вам не понравится.
— Здесь полная свобода.
Владимир встал, отодвинул стул подальше.
— Ну что ж, так и быть. Я говорил своей... своей коллеге, что здесь собралась антисоветская шпана. И еще спросил, не поп ли вы мистер... как вас там?
Курносая девица пискнула, как будто прищемила зубами язык. Джордж непроизвольно сделал угрожающее движение. Хорошо, что их разделял стол. Галина знала, как ловок и си-

лен Володя, знала, что у него первый разряд по вольной борьбе. Начнись драка — неизвестно, чем обернется. Она тоже встала и взяла Володю за руку.

— Спокойно,— сказал он.— Спокойно, мистер... как вас там? Не становитесь в позицию, не доводите дело до Совета Безопасности.— И к Галине:— Я ухожу. Ты как?

Джордж снисходительно усмехнулся, обвел взглядом сидевших за столом и, как бы апеллируя к ним, сказал:

— Вот так ведет себя человек, воспитанный не в демократическом обществе. У него один аргумент — кулаки.

— Хотите поговорить о демократии?— мгновенно успокоившись, спросил Володя.

— А что ж, мы для того и собрались.

— У вашей демократии есть верх и есть низ, не так ли?

— Не понимаю.

— Ну, есть правящие и управляемые.

— Правящими становятся в результате свободных выборов.— Джордж все еще говорил со снисходительной улыбкой. Сидевшие за столом улыбались, поглядывая на Володю полупрезрительно. Мистер Дей наблюдал за поединком с нескрываемым удовольствием.

— И в Соединенных Штатах любой гражданин может стать президентом?— спросил Володя.

— Разумеется.

— А вы когда-нибудь выдвигали свою кандидатуру?

— Я не политический деятель.

— Ну, а если бы выдвинули, хватило бы у вас денег на избирательную кампанию?

Джордж сразу заметно поубавил самоуверенности в тоне.

— Это неудачный пример.

— Хорошо, возьмем другой,— охотно согласился Володя.— Что вы скажете об уотергейтском деле? Это так заведено у вашей демократии — совершать кражи со взломом, чтобы добыть улики, компрометирующие политических противников?

— Это осуждено общественностью. Виновные будут наказаны.

— А как насчет убийства президента Кеннеди?

Джордж уже начинал раздражаться, ответил резко:

— Мы договорились не трогать президентов.

— Ладно. Тронем Ольстер. Почему там ваша демократия убивает людей?

— Это не имеет отношения к демократии. В Ольстере происходят беспорядки на религиозной почве.

— А английские солдаты тоже действуют на религиозной почве?

— Вы берете все время не те примеры,— снова попробовал улыбнуться Джордж.— Мы тут обсуждаем вопросы свободного обмена идеями.

Володя смотрел на него исподлобья с выражением глубокой неприязни.

— Ну, хорошо. Я не литератор и не журналист, но могу, не сходя с места, назвать вам десяток или два английских, американских и французских современных писателей, книжки которых читал в переводе на русский. Назовите вы хотя бы трех современных советских писателей, которых вы читали в переводе на английский. И скажите, пожалуйста, сколько советских фильмов видели вы у себя там, в демократическом раю?

Джордж пожал плечами.

— Это, как у вас говорится, не по существу.

— А что же тогда по существу? В чем существо вашего обмена идеями?

— Вам этого не понять,— брезгливо ответил Джордж.— Вы слишком... слишком...— Он искал подходящее слово и не мог найти.

— Просто я достаточно взрослый человек и думаю своей головой, а не чужой,— не дождавшись, когда Джордж выйдет из положения, сказал Володя. Помолчав, кивнул на притихшую компанию и добавил:— Если вы и заморочите эту шантрапу, туда им и дорога.

Шантрапа зароптала. Джордж молчал, сжав зубы и играя желваками на скулах. Володя закончил дискуссию:

— В общем, мистер... как вас там?.. смотрите не поскользнитесь. Я вам категорически не кланяюсь.

При полном молчании он покинул комнату. Галина догнала его у выходной двери, где Володя задержался, возясь с незнакомым замком. На лестничной площадке он сказал:

— Ты что, остаешься?

Она придерживала дверь, чтобы не захлопнулась.

— Не могу же я его бросить.

— Учти, это не бутафория. Это не «союз меча и орала» из «Двенадцати стульев». Гораздо хуже.

— Я же к ним записываться не собираюсь.

— Ладно. Будь здорова.— Он сбежал на один марш.

— Володя, но при чем здесь я?

— Не маленькая. Звони.

Галина вернулась в гостиную, а Владимир Яковлев сел в троллейбус и поехал домой. Ни номера дома, ни номера квартиры он не запомнил — не до того было. Он ругательски ругал себя...

Учредительное заседание клуба «Дискуссия», испорченное столь грубо, скомкалось. Ричард налил девицам виски, бросил в стаканы по два кубика подтаявшего льда и разбавил содовой.

Мистер Дей, поблагодарив за доставленное удовольствие, объявил о своем уходе. В машине он сказал Галине возмущенным тоном:

— Черт знает что! Действительно, как это сказал ваш Володя? Шантрапа... Я думал, все это несколько солиднее.— И неожиданно рассмеялся.— Впрочем, все довольно невинно.

— Нет, мистер Дей, это не так невинно, как вы думаете. По-моему, все это омерзительно.

— Ну, не будьте так нетерпимы к инакомыслию. Как же тогда говорить о разрядке?

— При чем здесь разрядка?

— Джордж очень верно заметил: одной торговли мало.

— В таком случае почему же ваш Джордж не захотел отвечать на вопросы?

— Ах, оставим эту чепуху!— примирительно сказал мистер Дей.— Есть вещи поинтереснее.

— Изучаете жизнь советских людей?— петушиным своим тенором спросил шофер Коля.

— Некоторым образом. Пытаюсь.

— Я, между прочим, тоже советский человек,— сказал Коля.

Это был прямой намек, и мистер Дей его понял. Галина подумала: ну вот, этого еще не хватало.

— Что вы предлагаете, дорогой Коля?— заинтересовался мистер Дей.

— Могу в гости пригласить. Посмотрите, как живет рабочий класс.

— А что?— Мистер Дей посмотрел на Галину, ища ее одобрения.— Мне эта идея нравится.

— Какой же вы рабочий класс, Коля?— сказала она.

— А кто ж мы? Хлопкоробы, что ли?— завелся с пол-оборота Коля.— Если хотите знать, мы, шоферы,— самая распространенная профессия. Нас в стране больше десяти миллионов.

— Да я ничего не имею против вашей профессии. Не волнуйтесь, пожалуйста.

Коля повернул голову, подмигнул ей.

— Я волнуюсь, только когда с тещей капусту на зиму рубим. Зимой под капустку хорошо идет!

— Смотрите вперед.

— Ничего, мы милиционера и макушкой увидим. Так что, мистер Дей, печь блины?

— Вы хотите позвать меня на блины?

— А что? Теща утром поставит, к вечеру напечет. Правда, икры у меня нет. С селедочкой.

— Завтра?

— Да. Я как раз выходной. Мой напарник вас привезет, адрес знает.

— Во сколько?

— Хоть в шесть, хоть в семь.

— С удовольствием принимаю ваше приглашение, дорогой Коля. Я сам подумывал о чем-то подобном.

Таким образом у мистера Дея возникло мероприятие сверх программы.

...Ложась спать, Галина подумала, что следовало бы позвонить Володе. Но ей не хотелось звонить. Так, наверное, избегают встреч и разговоров сразу после неудачи сообщники по неблаговидному делу. Ей было неприятно после сцены в квартире Ричарда.

Следующий день был отдан Третьяковской галерее, а вечером они отправились к Коле. Он жил в коммунальной квартире, с одним соседом. Большая, метров двадцать с лишним, светлая комната была тесно заставлена. И немудрено: широкая кровать, диван, шкаф для платья, шкаф для книг, обеденный стол, письменный стол, телевизор, холодильник. И все нужно, ничего не выбросишь. Жена и теща хлопотали на кухне. Сам Коля встретил их в фартуке поверх костюма. Галстук у него был завязан неумело и висел криво, но это его, кажется, не смущало. Пахло блинами.

— А-а!— громко, на всю лестничную клетку заорал он, открыв дверь.— Привет акулам капитализма!— Глаза его горели отчаянным гостеприимством.— Прошу, прошу!

— Колька, идол! С ума сошел?!— послышался из кухни низкий женский голос.

— Я же шучу, они же понимают!

Мистер Дей не был испуган таким приемом. Он улыбался, когда Коля тряс его руку, улыбался и в комнате, когда его усаживали на диван и знакомили с женой и тещей. Вскоре пришел друг Коли, широкоплечий, медлительный мужчина с сильно загорелым лицом. Ладонь у него была жесткая, как доска, руку мистеру Дею и Галине он пожимал очень осторожно. Мистер Дей при начале застолья объявил, что не пьет крепкого. Коля сказал, что есть вино, но и от вина гость отказался. Тогда Коля приказал жене налить мистеру Дею клюквенного сока.

— Но мы немножко выпьем, если вы разрешите,— обратился он к мистеру Дею.— А потом поговорим.

— О, вы не обращайте на меня внимания. Я свою порцию давно-о выпил.

— У нас говорят: свою цистерну. Верно, Леха?

Друг Коли покашлял в кулак.

— Верно.

— Ну, за здоровье дорогого гостя. И за нашу товарища Галю.

Стол был забит закусками. Жена Коли положила гостям блинов и придвинула поближе тарелку с семгой. Закусив, Коля держал краткую речь.

— Дорогой мистер Дей! Мы, конечно, не дипломаты, но мы все равно рады приветствовать вас в нашей тесной комнате. Разрешите сказать, кто жует за этим столом.— Он обвел сидящих взглядом, и при этом жена его, не сдержав смеха, поперхнулась.— Вот это моя супружница, Мария Петровна, год рождения — сорок третий. Дитя войны.

— Что ты мелешь!— перебила теща, дородная пожилая женщина добродушного вида.

— Нет, нет, законное дитя. Не мешай, теща, я все скажу. Значит, Мария Петровна — передовой труженик, не выпускает вымпел из рук. Она ткачиха. А это ее мать, почетный пенсионер, тридцать пять лет проработала тоже ткачихой, — Анна Афанасьевна.

— Прядильщицей,— поправила теща.

— Все равно. А это мой друг Алексей, безбожный человек, работает прокатчиком, мнет металл. Женат, двое детей. В настоящее время холост, жена в деревне. И вот я, известный вам водитель Коля, лучший друг автоинспекции и гроза собственной жены, когда приходим с именин.

— Угомонись,— сказала теща.

— Ничего подобного, я только начал. Что я хочу сказать, дорогой мистер Дей? Вот вы капиталист, правда?

Мистер Дей уже освоился с манерой Коли вести разговор и был готов ко всему.

— До некоторой степени.

— Вы живете богато?

— Не жалуюсь.

— Мы тоже не жалуемся. Вот посмотрите. Что вы видите? Комната. А что в этой комнате? Холодильник? Вот холодильник. Телевизор? Вот телевизор. Стиральная машина? На кухне. Автомобиль? Можем, но не будем. Мне зеленый глазок во как надоел. Теще могу купить велосипед, но она ездить не будет.

— Понесло,— сказала теща.

Галина рассмеялась. Коля махнул рукой, требуя тишины.

— Я говорю не по писаному, мы на бумажке только заявление на отпуск рисуем. Но что я хочу сказать? Жить троим в одной комнате — конечно, никакой театр не нужен. Но мы скоро получим квартиру. Мне лично будет хуже. Почему? Придется во все горло орать.

— Ты и так орешь,— сказала теща.

— У меня всё. Извините за внимание,— закончил свою речь Коля.

Весь вечер Коля не дал никому рта раскрыть. Он был набит мыслями и различными историями. Гостям скучать не приходилось. Поговорить самим им удалось лишь в тот момент, когда Коля вышел на улицу, чтобы позвать своего напарника, сидевшего в машине. Его накормили, а выпить не предлагали.

Провожали гостей до машины всей компанией...

Откровенно сказать, Галина, отправляясь к Коле, немного побаивалась. От Коли можно было ждать каких угодно выходок. Но все прошло как нельзя лучше, и она осталась очень довольна.

— Веселый человек,— сказал мистер Дей, когда они отъехали.

— Вы про Колю?— спросил шофер.

— Да.

— Он у нас стенгазету делает. Карикатуры рисует, как в «Крокодиле».

...Через два дня московская программа была выполнена. Мистер Дей и Галина отправились на «Красной стреле» в Ленинград. Там задержались на пять дней. После Ленинграда — Таллин. Два дня. После Таллина — Рига. Три дня. Галине маршрут этот был давно известен, так же как все обычные объекты туристского внимания. От других туристов мистер Дей отличался только особым пристрастием к морским портам. Он много снимал кинокамерой и фотоаппаратом.

Во всех трех городах у мистера Дея были какие-то встречи — он говорил, что навещал торговых представителей своей страны,— на которые он Галину не брал. Ее это не интересовало. Скорее она была рада отдохнуть полдня от обязанностей гида.

Из Риги они перелетели на юг, а 12 сентября вышли из самолета в аэропорту того благословенного города, где жил и страдал Евгений Петрович Храмов. Машина, заказанная Галиной заранее, ждала их.

— У меня, между прочим, здесь родной дядя,— сказала Галина, когда въезжали в город.

— Правда? Что он делает?

— Преподает в институте. Ему, если не ошибаюсь, уже пятьдесят восемь. Совсем одинокий.

— Надо вам его навестить.

— Посмотрим.

— Мне тоже надо тут повидать одного человека. Родственник моих знакомых.

— У вас есть адрес?

— Да. И даже телефон.

Шофер спросил:

— У вас какая гостиница?

— «Черное море»,— сказала Галина.

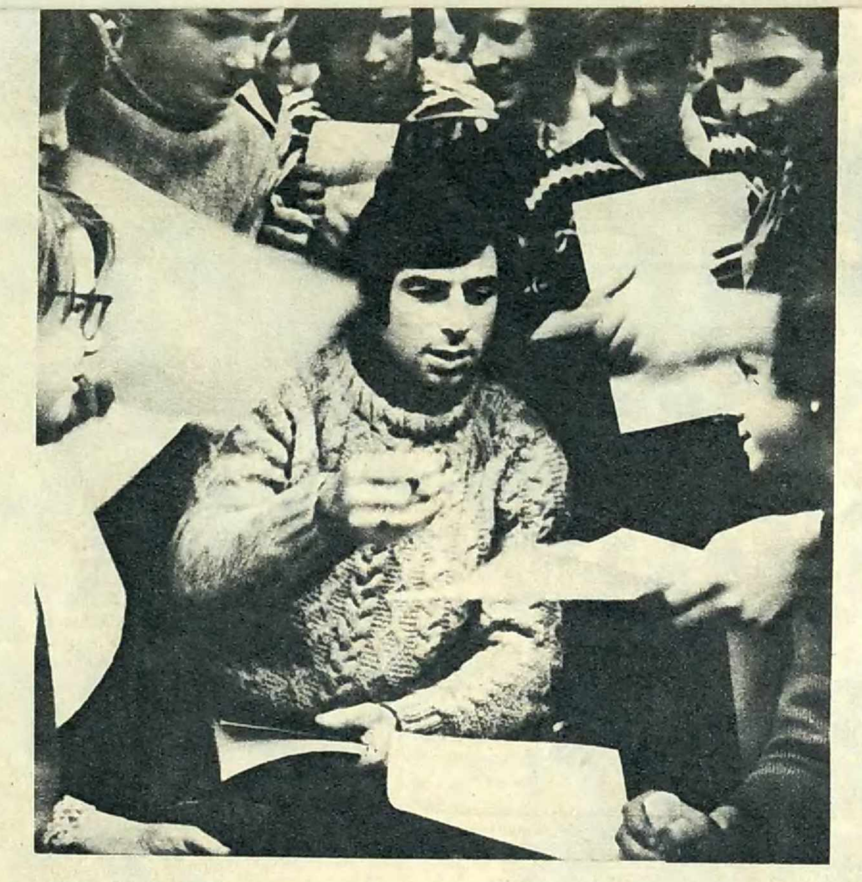
— Отель первый класс,— важно заметил шофер.

Он подвез их к многоэтажному новому зданию. Номера им дали на одиннадцатом этаже — мистеру Дею, как всегда, люкс, Галине — обычный номер на одного человека.

Настроение у нее было паршивое. В последние дни она часто вспоминала Володю и бранила себя за то, что уехала, так и не поговорив с ним. Надо бы написать...

Продолжение следует.

ВСТРЕЧА С

Записки Валерия Харламова «Хоккей — моя стихия», опубликованные в «Огоньке» (см. №№ 42—45 за 1976 год), вызвали большой интерес наших читателей, и, конечно же, в первую очередь юных. И вот, идя навстречу их пожеланиям, редакция организовала своеобразную читательскую конференцию, а точнее, встречу популярного спортсмена с юностью.

В конференц-зале редакции собрались молодые знатоки, которые сами в подавляющем большинстве играют в хоккей в разных командах, начиная с дворовых и кончая клубными, и притом такими известными, как ЦСКА, «Динамо», «Спартак» и «Крылья Советов».

Валерий Харламов, в тот день прилетев из Риги, где его команда после двадцати побед проиграла свою двадцать первую встречу, несколько задержался, и кое-кто из его почитателей, поговорив о большом хоккее, разошлись по домам (хоккей хоккеем, а уроки уроками), но самые терпеливые были вознаграждены и получили возможность обменяться мыслями о хоккее с одним из самых известных нападающих мира. И многие из них, говоря о том времени, когда Валерий Харламов сам еще играл в детской команде, с огорчением отмечали, что тогда молодые хоккеисты имели возможность чуть ли не в каждом дворе играть в хоккей на коньках, а теперь вынуждены тренироваться на асфальте. Миша Юров из 506-й школы считает, что Харламову осваивать хоккейные премудрости было легче, чем ему и его друзьям по дворовой команде: какой же хоккей безо льда! Не удивительно, что, когда Миша пришел записываться в детскую команду в один из московских клубов, ему сказали: «Плохо катаешься».

— А ведь Валерий Харламов был принят в школу ЦСКА прежде всего потому, что отлично стоял на коньках, — заметил Миша.

Саше Лысенко из 506-й школы повезло больше, чем Мише Юрову.

— Я записался в «Спартак» и играю в хоккей с первого класса,— рассказывал Саша.— Таким образом, у меня шестилетний стаж игры защитником. В позапрошлом году мы встретились со шведами и победили их со счетом четыре — один. Это был наш первый международный матч. В прошлом сезоне мы заняли второе место на первенстве Москвы и в этом сезоне играем пока удачно, проиграли только команде ЦСКА.

— Так и должно было быть, — сказал Гриша Сучков из 833-й школы, — ведь армейские хоккеисты самые сильные. Я играю в детской команде Центрального спортивного клуба армии уже четыре года. Правда, в турнирах мы пока еще не участвуем, начнем только со следующего сезона. Я горд, что играю в одном клубе с таким хоккеистом, как Валерий Харламов.

ЗАРНИЦЫ ЗИМЫ РУССКОЙ

С. ДУБРАВА

Рисунки А. ЛУРЬЕ

ШЕПОТ ЗВЕЗД

Было около двенадцати ночи, когда я пригласил своего сибирского гостя пройтись перед сном по аллеям подмосковного парка. Михаил Иванович Забелин, геолог из Северо-Енисейска, охотно согласился. «Хлебнуть морозца перед сном,— что может быть приятнее!» — бодро произнес он и стал одеваться.

В лесу, который совсем недавно стал называться парком, было прекрасно. Деревья, покрытые инеем, застыли в голубом сиянии январской ночи. Купол неба, украшенный звездной россыпью, низко нависал над лесом. Справа от нас сквозь густые ветви просвечивал тонкий серп луны. В звездном мерцании он, казалось, трепетал, шевелился, словно запутался в ветвях и никак не мог освободиться.

Мы шли и молчали. В лесной тишине был слышен лишь скрип снега. Какие неповторимые звуки, как приятны они нашему сердцу! Я невольно все больше и больше прислушивался к ним. Казалось, что вот-вот наступит мгновение, когда я пойму мелодию снега, раскрою ее таинственный смысл.

— Какое волшебство в этих звуках! — воскликнул я.

— Да, — подтвердил Михаил Иванович. — Но если бы прибавить к ним наш сибирский шепот звезд, получилась бы самая лучшая на свете мелодия зимы.

И Михаил Иванович рассказал о необыкновенных звуках, которые можно услышать в условиях сибирских морозов.

— Представьте себе,— говорил он,— что вы идете по лесной дороге. На фоне мягкого похрустывания снега слышен тихий шорох, который доносится от идущей впереди вашей тени. Порой вам кажется, нет, не кажется, а вы ясно видите, как к ногам падают искры. Они пригоршнями летят словно бы от самых звезд, разговор которых вам посчастливилось услышать вот сейчас, сию минуту. Некоторые из приезжающих впервые в Сибирь порой даже пугаются шуршащей звездной пороши. А все дело в...

— Не надо, постараюсь додуматься сам, — остановил я своего друга.

Мы шли рядом, и мне казалось, что еще шаг-другой — и я услышу шепот звезд...

— Ну как, поняли причину? — уже дома спросил меня Михаил Иванович.

— Конечно, — ответил я. — Горсти шуршащей пыли, падающей к ногам, — это превращенные в льдинки мельчайшие капельки пара, выдыхаемые вместе с воздухом. В хороший мороз шепот звезд можно услышать и у нас, в Подмосковье.

«ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ» ПИЛИЛЬЩИКА

Уже много раз встречался я с лесничим, и всегда он поражал меня чем-то новым, свидетельствующим о широте его кругозора. Вот и сейчас он усадил меня в деревянное (собственного изготовления) кресло и, хитро прищурив глаза, прямо-таки озадачил:

ЮНОСТЬЮ

Но на эту встречу в редакции собрались не только поклонники Харламова, хотя все высоко оценивают его способности и успехи. Так, Виталий Петраш из 62-й школы признался, что болеет за команду «Динамо» и его любимый игрок — Александр Мальцев, что из тройки, в которой выступает Харламов, Виталию больше всего нравится Петров, потому что он, мол, самый боевой. А Алеша Угодников из 134-й школы вообще заявил, что болеет за спартаковского вратаря Зингера и что Зингер ему нравится больше, чем Третьяк, и сам он тоже играет вратарем.

— Место в воротах самое удобное, — сказал Алеша Угодников,— потому что там не попадаешь под силовые приемы. Защитникам и нападающим очень часто приходится нагибаться, чтобы шайба не попала в незащищенное место, а вратарям очень даже удобно играть, потому что у них все места защищены, кроме шеи.

Это заявление вызвало горячую дискуссию. Володя Анисов из 506-й школы горой стал за Третьяка. Кто будет отрицать, что Третьяк лучше всех стоит в воротах? Ведь потому-то его и поставили играть с канадцами.

— Это же ясно всем,— заявил Володя Анисов, — это все в нашей дворовой команде могут подтвердить. Только вот защитники не всегда помогают Третьяку!

Ох уж эти защитники! Собравшиеся знатоки хоккея обрушили на головы хоккейных защитников много упреков и претензий, и особенно непримирим к ним был Костя Аввакумов из 121-й школы, хоккеист жэковской команды. Его не устраивает, что многие защитники избегают силовой борьбы, а какие же это защитники, которые не бойцы?

— У каждого хоккеиста может быть свой стиль игры, — заявил Костя,— но он должен обязательно понимать силовую борьбу. У Харламова мне нравится быстрота, Михайлов всегда рассудителен и не волнуется, а Балдерис очень хорош в индивидуальной игре, но все они знатоки силовой борьбы.

Много откровенных мыслей высказали о хоккее юные болельщики. И надо было видеть, с каким неподдельным интересом выслушивал своих собеседников Валерий Харламов.

Особенно ему, видимо, пришлась по душе мысль о том, что каждый хоккеист должен иметь свое лицо, свой стиль.

— Сначала мне хотелось походить на Локтева, Фирсова и Александрова, — вспоминал Валерий,— но потом я понял, что подражанием успеха не добьешься. Теперь в нашей пятерке каждый имеет свою манеру, свой стиль, но вместе с тем мы, как говорится, не выпадаем из ансамбля. И с рижанами нам всегда трудно играть, потому что эта команда ищет свой путь, показывает свою игру, которую не так-то просто раскусить. Вот мы и проиграли в Риге.

Много вопросов было задано молодыми хоккеистами Валерию Харламову в связи с предстоящими ему испытаниями. Прежде всего, конечно, ребята интересовались, как сыграет сборная команда СССР на чемпионате мира в Вене, но Валерий Харламов с тревогой посмотрел на часы и развел руками:

— До Вены еще далеко, а через три дня нам предстоит встреча с нашими грозными соперниками — московскими динамовцами. Вот и сегодня, прилетев из Риги, мы уже провели тренировку. — И он стал прощаться, пообещав всем ребятам подписать свою книжку «Хоккей — моя стихия», которая должна скоро выйти в свет в «Библиотеке «Огонька».

ЛУЧШИЙ ВРАТАРЬ

Владимир Астаповский (ЦСКА) получил Кубок «Огонька» как лучший вратарь 1976 года.

Фото В. Капустина

— Хочешь, я покажу тебе «летающие тарелки»?

— Ты что, шутишь? — отозвался я.

— Нет, я говорю вполне серьезно, — перестав улыбаться, ответил лесничий. — И тарелки настоящие, можно сказать, живые.

Я пожал плечами и молча кивнул.

Лесничий проворно вышел из комнаты и вскоре вернулся, держа в руках небольшой фанерный ящик. На дне его я увидел вату, сухие листья деревьев и стебли трав. Поставив ящик на стол, лесничий стал осторожно извлекать из него специальной ложечкой какие-то небольшие, с копеечную монету, предметы дискообразной формы. Положив их на чистый лист бумаги, он дал мне в руки лупу.

— Присмотрись к тому, что внутри дисков, — предложил он.

Я стал рассматривать диски. Они, как мне показалось, были склеены из металлических, тщательно отшлифованных тарелочек, поблескивавших в лучах электрической лампы. В середине одного из них я заметил конусообразное, состоящее из темно-желтоватых сегментов существо. Вдруг утонченная часть конуса неестественно дернулась и, изогнувшись, переместилась в левую часть диска. В какое-то мгновение диск, вращаясь, отлетел в сторону и плавно опустился на краю стола.

— Непостижимо!—с нескрываемым удивлением воскликнул я.— Можно подумать, что это...

— Это,— мягко перебил меня лесничий,— не мифические «тарелки», а настоящие, живые, и создает их сама природа.

Он рассказал, что это всего-навсего личинка минирующего пилильщика — насекомого, который паразитирует на тополе. А диск — своеобразный кокон личинки, который служит ей и хорошей защитой и помогает передвигаться. Как установили ученые, кокон благодаря резким движениям личинки совершает при благоприятных условиях перелеты на расстояние до десяти сантиметров. Это делается до тех пор, пока личинка не находит благоприятных условий для своего развития: хорошую подушку из листьев деревьев и трав и достаточную концентрацию влаги.

— И что же заставляет тебя заниматься этими «живыми тарелками»?— спросил я.

— Нет,— поняв намек,— улыбнулся в ответ лесничий.— Мои эксперименты не имеют никакого отношения к другим «тарелкам». Здесь чисто практический интерес. Пилильщик причиняет большой вред тополю, и я задался целью найти способ борьбы с ним. И, думается, путь к этому лежит через личинку.

КОНЕЦ ПЕРНАТОГО ДРАКОНА

Застывшая синева морозного воздуха внезапно раскололась. Ее словно пронзили звенящей стрелой, пущенной из туго натянутого лука. Николай Васильевич Ширякин остановился как вкопанный. Чутье охотника подсказало ему, что это выстрел из малокалиберной винтовки. «Кто бы мог это сделать в пригородном лесу и зачем?» — подумал он, всматриваясь в ту сторону, откуда донесся выстрел.

Вдалеке между деревьями он заметил человека и быстро зашагал к нему. С удивлением Ширякин узнал Анатолия Ивановича Закутина, знакомого ему орнитолога. Тот стоял с опущенной головой, а рядом с ним на снегу лежала бездыханная, с распростертыми крыльями ворона, придавленная брошенной винтовкой. В руках Закутина охотник увидел крохотную с киноварно-красной грудкой птичку, в которой еще теплилась жизнь.

— Как же так? — спросил охотник дрогнувшим голосом.— Вот никогда бы не подумал.

— А так,— спустя некоторое время тихо ответил Закутин и, немного подумав, добавил: — К оружию я прибегнул не случайно.

Согревая в ладонях раненого снегиря, Анатолий Иванович рассказал охотнику о той беде, которая нежданно-негаданно нагрянула в этот лес. «Ворона-дракон» (так сразу окрестил ее орнитолог) появилась здесь поздней осенью и сразу приступила к своему коварному делу. Сначала страдали от нее синицы. Она подстерегала их на опушках, притаившись в густых лапах елей. Затем принялась за чечеток. Наконец к снегирям пристрастилась. Десятка два птичек уничтожила.

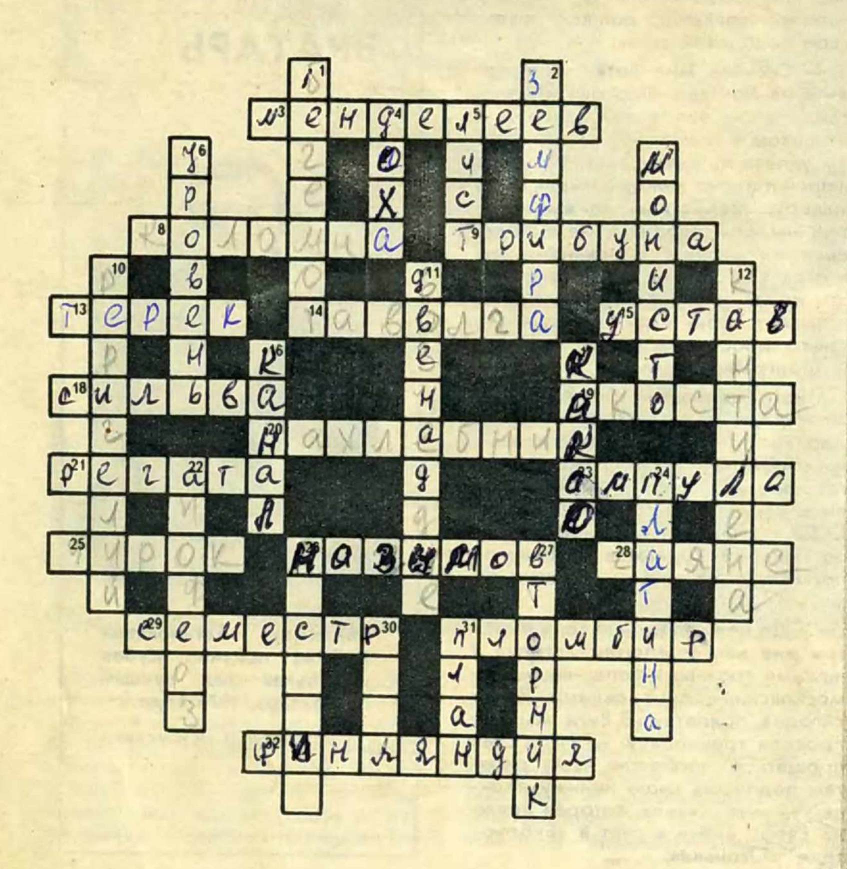
Орнитолог пытался отвлечь кровожадного пернатого дракона специально приготовленной кормушкой, куда клал любимое воронье лакомство. Но и это не помогло. Хищница стала использовать кормушку как приманку для других птичек и внезапно нападала на них. В общем, словно бес в нее вселился.

— Вот и расплатилась за кровожадность,— заключил с раздражением в голосе орнитолог.

— Не ожидал я от вороны такой разбойничьей прыти,— произнес Николай Васильевич и нежно дотронулся до едва трепещущего снегиря, на перьях которого виднелись следы крови.

— Попытаюсь выходить его,— сказал Анатолий Иванович. Затем поднял малокалиберку, кивнул Ширякину и торопливо зашагал в сторону города.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Русский химик. 8. Город в Московской области. 9. Возвышение для выступления оратора. 13. Река на Северном Кавказе. 14. Луговое растение. 15. Свод правил. 18. Оперетта И. Кальмана. 19. Голландский мыслитель. 20. Пьеса И. С. Тургенева. 21. Большое состязание на спортивных судах. 23. Запаянный сосуд для хранения лекарств. 25. Птица семейства утиных. 26. Народный писатель Азербайджана. 28. Балет А. И. Хачатуряна. 29. Половина учебного года в высшем учебном заведении. 31. Мороженое. 32. Государство в Европе.

По вертикали: 1. Млекопитающее тропической Африки. 2. Действующее лицо оперы С. В. Рахманинова «Алеко». 4. Меховая шуба. 5. Венгерский композитор. 6. Прибор для проверки горизонтальности линий и поверхностей. 7. Ожерелье. 10. Ближайшая к Солнцу точка орбиты планеты. 11. Поэма А. А. Блока. 12. Певучесть, мелодичность музыки. 16. Искусственное русло. 17. Питательный напиток. 22. Заключительная торжественная массовая сцена спектакля. 24. Металл. 26. Порт в Аргентине. 27. День недели. 30. Денежная единица Ирана. 31. Чертеж местности, сооружения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 7. «Богатыри». 8. Реквизит. 9. Жерех. 10. Декан. 11. Трике. 14. Чистик. 16. Шкипер. 17. Баян. 18. Алье. 19. Репетилов. 20. Ваза. 23. Квас. 25. Венера. 26. Ватман. 27. Смета. 29. Бирма. 30. «Демон». 31. Кентукки. 32. Державин.

По вертикали: 1. Полевица. 2. Камертон. 3. Брест. 4. Гейне. 5. Кинетика. 6. Мирабель. 12. Роттердам. 13. Континент. 15. Каретка. 16. Шолохов. 21. Ацетилен. 22. Ареометр. 23. Каттегат. 24. Аналогия. 27. Сутки. 28. Антей.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Гимнастка Ирина Дерюгина.

Фото А. Саакова и М. Датикашвили (ТАСС).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 24/I — 1977 г. А 00304. Подп. к печ. 8/II — 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 293. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 66.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

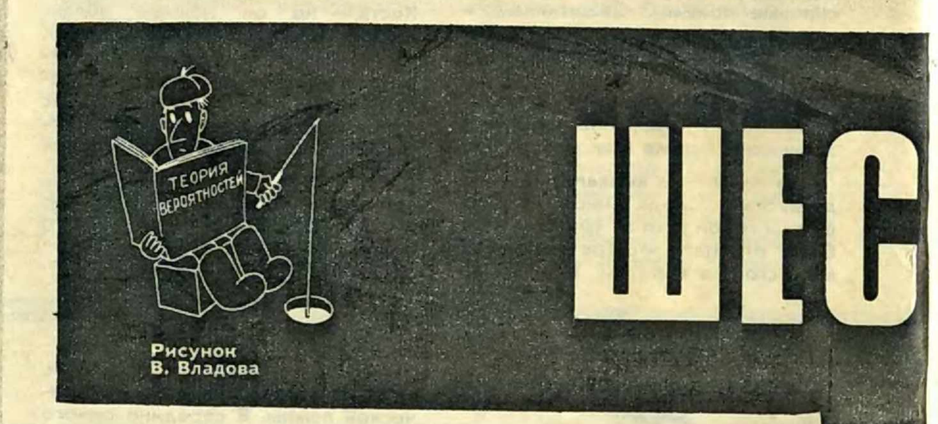

Рисунок В. Владова

Мастер Николай Никитич Демкин озабочен: «Снасти не подвели бы...»

И вот нашли большое поле...

...ТЬ ЧАСОВ РАДОСТИ

Н. ДАНИЛОВ, токарь машиностроительного завода «Знамя труда»

Фото автора.

В программу дня не входило...

Вы сидели хоть раз в мороз, в метель над лункой! Ощущала ли ваша рука напряжение лески!

В тот день мы забыли слова: фреза, микрон, допуски, резец, контур... Мы говорили на языке племени подледников: мотыль, мормышка, подсечка, леска. Прощайте, домино, гастрономы, шайбы!.. А началось утро с глагола «буксовать», потому что заводской команде спортсменов-рыболовов пришлось в одном месте толкать свой уютный автобус. С погодой как будто не повезло, но тогда нас все радовало. Запомнились и дорога к давно полюбившемуся водохранилищу, где наша заводская база отдыха, и подъем флага спортивного общества перед стартом, и хохот, когда позже взвешивали «улов» — миллиграммы определяли места призеров! Судьи дали участникам воскресной вылазки шесть часов на то, чтобы выяснить, кто же все-таки из них самый-самый рыболов. И это были шесть часов неподвижной борьбы на морозе, давнишнего спора. Рыболовы будто вмерзли в лед, но какие страсти на самом деле кипели! И как хотелось мне самому хоть немного подергать леску, самому насадить красного мотыля, да еще обязательно поплевать для счастья на крючок... Но в руках у меня был фотоаппарат, и я тоже с азартом нажимал на спуск, чтобы запечатлеть необычные шесть часов радости рабочего воскресенья. Хорошо, что такие дни совместного отдыха у нас проводят часто и в любое время года. Как тут не вспомнить добрым словом бессменного председателя совета физкультуры на нашем заводе «Знамя труда» Николая Михайловича Гапошина! А улов! Что ж, улов неплохой: загородный подмосковный воздух, шутки, смех, дружба, здоровье.

Слесарь Владимир Михайлович Бобарыкин: «Вот какая сошла!» И мастер Павел Васильевич Снимщиков верит!

Пенсионер Иван Николаевич Назаренко без родного коллектива никуда.

К штурму лунок готовы!

Строг судья Олег Константинович Кочетков.

До старта несколько шагов.

Чемпион! По щучьему велению...

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663